

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

**В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова,
Р.И. Соколова, В.Г. Буров**

**Интеграционные
и дезинтеграционные процессы
в истории российского государства:
социально-философские аспекты**

Москва
2015

УДК 300.331
ББК 15.51
Ш 37

Ответственные редакторы

доктор филос. наук *В.Н. Шевченко*
доктор филос. наук *В.И. Спиридонова*

Рецензенты

доктор филос. наук *А.Л. Андреев*
доктор филос. наук *Е.А. Самарская*

Ш 37 **Шевченко, В.Н.** Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Г. Буров; Отв. ред.: В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова. – М.: ИФ РАН, 2015. – 121 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0285-0.

В центре внимания авторов монографии находится сложность и неоднозначность воздействия внешней социальной среды, в первую очередь новейших процессов глобализации, на целостность российского государства. Особый интерес представляют материалы, раскрывающие цели и задачи информационных и интернет-войн, ведущихся сегодня против России. Обсуждаются вопросы методологического характера в отношении мер, направленных на сохранение целостности государства. На основе изучения современного китайского опыта делаются выводы, которые могут оказаться полезными при решении актуальных проблем, стоящих сегодня перед Россией.

ISBN 978-5-9540-0285-0

© Шевченко В.Н., 2015
© Спиридонова В.И., 2015
© Соколова Р.И., 2015
© Буров В.Г., 2015
© Институт философии РАН, 2015

Введение

Одна из самых злободневных тем сегодняшнего политического дискурса в стране, и прежде всего медиа-дискурса, связана с обращением к дезинтеграционным тенденциям и процессам в отечественной истории, к их драматическим и нередко трагическим последствиям. В течение последнего времени определенная часть российских СМИ активно навязывает миллионам граждан идеи возможного и, более того, неизбежного распада страны. И в научной среде пессимистические сценарии дальнейшей судьбы России пользуются большим признанием, чем оптимистические прогнозы. Вся эта тематика требует не только особо пристального внимания со стороны научного сообщества, что важно отметить, но и особой аккуратности в оценках, выводах и рекомендациях. Речь идет ни много ни мало о судьбе страны, судьбе тысячелетней цивилизации, которая переживает сегодня один из самых критических моментов в своей истории.

Эффективное управление Россией во все времена выступало действительно исключительно сложной проблемой, и не всегда высшая власть оказывалась на уровне требований, предъявляемых к ней эпохой и временем. Многовековая история России свидетельствует о том, что в стране не один раз дезинтеграционные, центробежные процессы одерживали верх над интеграционными. Страна распадалась, но затем ценой невероятных усилий и жертв собиралась заново. Недавняя геополитическая катастрофа, связанная с распадом Советского Союза, привела к тому, что бывшие союзные республики стали независимыми государствами. Последует ли Российская Федерация вслед за Советским Союзом по этому пути – сегодня этот вопрос на все лады обсуждается как в СМИ, так и в научной литературе. Речь идет о том, смогут ли интеграционные процессы в стране (и на постсоветском пространстве тоже, но это особый вопрос) стать устойчиво доминирующей тенденцией. А такие ориентации в последние годы явно обозначились, что позволяет показывать несостоятельность или, во всяком случае, ставить под сомнение всякие разговоры о неизбежном конце Российской Федерации как единого и целостного государства. К сожалению, публикации в СМИ нередко дезориентируют читателя, особенно неискушенного, простотой видения и быстрыми решениями сегодняшних острых проблем.

Неумение российской власти найти правильный путь, ведущий к сохранению прочного единства страны, имеет свои глубинные корни. Легче всего нерешенность многих из этих проблем видеть в сложности возникающих ситуаций, исторической инерции верховной власти, в ошибках прошлого. Но по своей природе эти корни, как нередко раньше, так и сегодня – в отсутствии, прежде всего, четкого и обоснованного представления в сознании общества о том, какой должна оптимальная форма государственного устройства России, Российской Федерации. Российское государство как политическая форма организации общественной жизни и как социальный институт находится сегодня на историческом перепутье. Адекватный выбор формы предполагает здесь, наряду с другими обстоятельствами, и полный, всесторонний учет внешних факторов, которые могут делать рамки выбора для власти исключительно узкими, а порой ставить власть в ситуацию безальтернативности выбора, когда речь начинает идти исключительно о способности страны к выживанию, сохранению целостности любой ценой. Это очень важное обстоятельство стало особенно заметным в последние десятилетия, когда Российская Федерация, открывшись миру, вдруг обнаружила во взаимодействии с ним растущую неустойчивость, ползущую эрозию общественных и властных структур, скрепляющих воедино территорию, государственное пространство страны.

Читатель, несомненно, сталкивался с многообразием современных дезинтеграционных процессов и явлений, угрожающих целостности Российской Федерации, причем степень нагнетания катастрофичности ситуации такова, что есть основания рассматривать вал литературы об уже начавшейся (!) реальной дезинтеграции страны частью некоей спецоперации в большой информационной войне против России. Литературы, посвященной активному противодействию угрозам и вызовам, вопросам сохранения целостности РФ, её упрочения выпускается заметно меньше. На это обстоятельство приходится обращать особое внимание.

Конечно, озабоченность многих ученых и публицистов ослаблением связей и отношений между регионами РФ имеет под собой сегодня и объективные причины. В общественном сознании имеет место различное понимание вопроса о том, в каком направлении должно идти дальнейшее реформирование российского го-

сударства – в направлении к национальному государству западноевропейского типа или к сохранению высокоцентрализованного государства, которое стали называть в последнее время государством импероподобного типа. Острота противостояния здесь различных взглядов достигает нередко предельной степени или, как говорят, зашкаливает.

А сколько копий сломано в печати по поводу становления российской нации, статуса понятия «россиянин». Однако спорящие стороны порою совсем не обращают внимания на то, что это становление находится в самом начале своего длительного исторического пути. Путь к национальному государству практически не просматривался в имперской России, не был он пройден и в СССР, когда говорили о становлении новой исторической общности «советский народ». Запутанность сегодняшней ситуации, сложившейся в межнациональных отношениях, состоит, прежде всего, в том, что общественному сознанию всячески навязывается мысль о неизбежности западной модели национального государства. Но отсутствует рефлексия относительно того, как это возможно в совершенно новых исторических условиях XXI в., когда пришел конец однополярной глобализации как американизации и наступила эпоха полицентрического мира. В этих условиях будущее будет определяться в ходе всё более динамичного взаимодействия многочисленных и сильных государств, в первую очередь, таких как Китай, Индия, Иран, либо союзов государств – Евросоюз, Евразийский Союз и др.

Не получается ли так, что объективные обстоятельства вновь требуют сохранения и упрочения государственной власти с высоким уровнем централизации и, соответственно, единой России как многонационального и многоконфессионального государства на длительную историческую перспективу? По этому вопросу также идут непрекращающиеся дискуссии в обществе. А именно, почему авторитарный режим личной верховной власти, несмотря на усилия по его преодолению в разные исторические периоды, остается доминирующей чертой в конструкции российского государства. Более того, известные нам кризисы и катастрофы случались всякий раз, когда предпринималась очередная попытка перейти от традиционной авторитарной формы (в разных вариантах) к западной форме государственного устройства.

Одна из задач, которая стоит перед наукой, и заключается в том, чтобы обосновать с философско-исторической точки зрения наличие определенной онтологической модели российской государственности, которая будет обладать целым рядом относительно неизменных, атрибутивных свойств. И среди них главное место должна занять, по-видимому, особая природа российской власти. Каждой качественно новой ступени российской истории присуща своя конкретно-историческая форма российского государства, в которой находит своеобразное воплощение онтологическая модель государственности со всей его атрибутикой.

Обращает на себя внимание отсутствие устойчивого интереса в науке к вопросам социальной методологии, способной помочь в решении путей и способов достижения оптимальной конструкции государственного устройства России. Один из самых главных и вместе с тем недостаточно разработанных вопросов связан с весьма мощным влиянием внешнего фактора на поиск Россией оптимальной формы государственного устройства. Под внешним фактором здесь имеется в виду, прежде всего, циклический характер исторического взаимодействия России с Западом. Одна ситуация складывается, когда Россия идет на максимальное сближение с Западом и уподобление его политической структуре. И прямо противоположная – когда Россия, напротив, стремится дистанцироваться от Запада и начинает искать свой собственный путь развития. При таком подходе к проблеме открываются очень интересные сюжеты и необычные ракурсы, ждущие своих исследователей.

В последние годы наблюдается радикальная перегруппировка общих глобальных тенденций, которая происходит буквально на наших глазах. На первом этапе глобализация представлялась как достаточно нейтральное, «объективное» явление, политически не вполне управляемое отдельными, даже самыми экономически могущественными странами. Эти представления сегодня стремительно уходят в прошлое.

Если внимательно посмотреть на западные работы последнего времени, то можно выделить наиболее существенные черты нового облика глобализации. И он оказывается далеко не миротворческим, он прямо нацелен на усиление дезинтеграционных тенденций в развитии многих стран мира, в том числе и нашей страны. Важно сегодня донести до читателя мысль о том, что российской

науке необходимо ясно осознать главное качество новой уже возникшей геополитической реальности, в которой придется жить, выживать и развиваться российскому государству. А это качество связано с появлением совершенно нового политического инструмента давления – так называемой этической аргументации. Сейчас этот инструмент активно апробируется на России.

«Моральный» дискурс – новая стратегия глобализации. Интересно разобраться в том, как и почему моральная дискредитация противника стала новой политической стратегией глобализаторов Запада. Такое явление становится возможным в системных границах той моральной монополии на истину, которая утверждается единственной сверхдержавой, находящейся, как она заявляет, на «правильной стороне истории». А все, кто не согласен с ней, – имеется в виду, прежде всего, Россия, – находятся на неправильной стороне истории. И это уже не может быть сегодня предметом дискуссии.

Американизация как культурное оружие «мягкой идеологии» не есть продукт, создаваемый для других стран, которые могут его добровольно и свободно выбирать. Это составная часть хорошо продуманного политического проекта, в основе которого лежит навязывание централизованно проводимой и тщательно планируемой «культурной» политики. Особый интерес в теоретическом и политическом плане представляет анализ Всемирной гражданской войны как нового типа геополитики XXI в. В начале 60-х гг. XX в. была опубликована работа немецкого политического философа К. Шмитта под загадочным названием «Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического». К. Шмитт предсказал коренную трансформацию стратегии поведения ведущих глобальных игроков на мировой арене в конце XX – начале XXI в. «Фигура партизана» – подлинное открытие К. Шмитта, которое ещё предстоит изучить политической науке и философии.

Ещё одна важная особенность сегодняшнего этапа глобализации, несомненно, достойна самого серьезного осмысления. Это появление нового атрибута у американского «абсолютного суверенитета», который до сих пор базируется на огромном силовом и военном преимуществе, а именно, «цифрового суверенитета». Рождается новая оруэлловская картина мира, которую европейские исследователи обозначают как особую разновидность тоталитаризма – «мягкий цифровой тоталитаризм».

В 60-е гг. прошлого века на Западе был запущен дезинтеграционный сценарий в отношении нашей страны, который привел сначала к отделению республик Советского Союза друг от друга, а ныне, в XXI в., **нацелен на территориальный раздел Российскойского государства**. На российском пространстве были испробованы и пробуются все новые и новые технологии распада. Научиться противостоять им – одна из самых сложных и вместе с тем первостепенных задач отечественной мысли и политической практики.

В последние десятилетия резко возросла информационная агрессия со стороны Запада, которая выражается, в частности, в использовании хорошо отработанных информационных технологий. Среди ряда наиболее важных политтехнологических факторов, которые препятствуют интеграции современного российского общества, особенно широко применяются такие, как космополитизм, русофобия, технологии обострения межэтнических отношений, направленные, прежде всего, против консолидирующей роли русского народа как главного фактора в сохранении и упрочении российского общества и в его прошлом, и в настоящем. Что ещё важно отметить здесь, так это полемику, которая ведется в отечественной мысли по поводу соборности как ключевого понятия русской социальной философии и социальной этики. Читателю будет интересно познакомиться с поиском её общих черт, выявлением в её многочисленных трактовках главного смысла. Соборность с философской точки зрения содержит в себе понимание целостности как «единообразия в различиях». Именно в чувстве соборности заключена тайна и разгадка всечеловечности русского национального характера, позволяющего вмещать и органично принимать в себя смыслы иных культур. Соборность коррелирует с рядом других философских подходов к изучению общества – системным подходом, холизмом. Соборность есть та философско-духовная и вместе с тем социально-политическая ценность, которая в своем практическом преломлении может обеспечить консолидацию российского общества, всех составляющих его этносов и народов, обеспечить демократические права всех граждан страны.

В отечественной литературе чрезвычайно мало уделяется внимания изучению опыта других больших стран, добивающихся заметных успехов в преодолении опасных дезинтеграционных тенденций и в сохранении единого государства. Особый интерес для

нашей страны представляет здесь опыт Китая, предпринимаемые им в последнее время политические, экономические и культурные усилия. Дело в том, что высокоцентрализованное государство и авторитарный политический строй страны адекватны сегодняшнему социально-экономическому и культурному уровню Китая. Проведение в нем немедленной политической демократизации по западным рецептам привело бы к потере управляемости, хаосу и дезинтеграции. Но вместе с тем руководство КПК постоянно стремится к обновлению политической практики, к реализации всего далеко не раскрытого до конца потенциала существующей в стране политической системы.

Китайский опыт в области государственного управления экономикой особенно важен нам сегодня. Экономическое отставание ряда регионов страны в последнее время стало рассматриваться руководством Китая как угроза стабильности и единству государства. Им были предприняты огромные усилия, разработаны обширные программы для ускоренного развития других, особенно западных регионов. Из российской печати известно о наличии в нашей стране большого числа отставших и депрессивных регионов. Тем не менее о масштабном прорыве в ближайшее время здесь говорить не приходится, поскольку отсутствует целостный, интегральный план развития страны, хотя сегодня для всех стала очевидной несомненная связь регионального сепаратизма с нередко бедственным и принижённым положением тех или иных регионов страны.

Сегодня в Китае происходят важные изменения идеологического характера. Решительно пересматривается отношение к конфуцианству, к традиционной культуре, наличие которых способствовало на протяжении столетий как сохранению политического единства страны, так и независимости государства, отражению внешней агрессии. Появление двух идеологических установок в Китае – китаизированного марксизма и конфуцианства – поставило со всей остротой вопрос о том, насколько возможен их синтез как в идейном, так и в практическом отношениях. Идеологический опыт Китая при всем его своеобразии приобретает для российского общества сегодня особую ценность и значимость.

Таковы примерно контуры проблемного поля, с которым сталкивается всякий исследователь, стремящийся постичь проблематику интеграционных и дезинтеграционных процессов и тенден-

ций в жизни современного, и прежде всего, российского общества. Многие из того, о чем сказано во введении, лишь только намечено и рассмотрено в монографии в самых общих чертах. Главная цель, к которой стремились её авторы, это не только раскрыть всю серьезность и необычность ситуации, сложившейся в стране, но сформулировать ряд методологических принципов и теоретических положений, которые могли бы оказать эффективную помощь в решении актуальных вопросов интеграции, сохранения целостности Российского государства.

В написании монографии принимал участие коллектив авторов: Шевченко В.Н. – глава 1; Спиридонова В.И. – глава 2; Соколова Р.И. – глава 3; Буров В.Г. – глава 4.

Руководитель научного направления
сектора философских проблем политики,
д.ф.н. *В.Н. Шевченко*

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Сохранение целостности современной России – одно из самых значимых императивных требований сегодняшнего периода, переживаемого страной. Но какой бы острой ни казалось здесь ситуация, в ней нет ничего сверхординарного. Каждое государство в мире и в прошлом, и в настоящем всегда сталкивалось и сталкивается с этой проблемой. Общество представляет собой рукотворное образование в том смысле, что оно формируется, сохраняется, поддерживается самими людьми, живущими в этом обществе. В нем всегда возникают проблемы, одни из которых решаются успешно, а другие превращаются в камень преткновения, и с ними порой ничего нельзя поделать. В обществе всегда имеются как устойчивые факторы интеграции, так и дезинтеграционные явления, процессы, тенденции. При положительной динамике развития общества верх берут тенденции единства и сплочения, дезинтеграционные настроения уходят в тень, рассматриваются как малозначимые, не имеющие связи с конкретикой настоящего. Напротив, застой и безвременье вызывают к жизни мысли, что принципы организации государства и общества, существующие подходы к решению реальных проблем потеряли свою эффективность. Заметно ослабевают доверие и солидарность между людьми. Одним словом, нужны новые идеи и смыслы, новые высокие цели и ценности. Выявление в такой ситуации соотношения позитивных и негативных тенденций в обществе представляет собой исключительную сложную задачу. Господство в общественном сознании крайних

позиций свидетельствует, помимо всего прочего, о недостаточном понимании социальными науками причин, приведших общество к потере динамики, ориентиров в мировом пространстве и в историческом времени.

Собственно такая ситуация сложилась сегодня в Российской Федерации, когда в представлениях о возможных путях преодоления состояния застоя и неопределенности наблюдается огромный разброс мнений, ожесточенная борьба прямо противоположных точек зрения о будущем России, судьбе огромной цивилизации с тысячелетней историей.

Но прежде чем искать ответы на эти вопросы, весьма важно сначала посмотреть на то, как излагаются проблемы дезинтеграции и интеграции в современной отечественной литературе.

Обзор литературы последних лет

Литература о возможности и вероятности грядущего распада РФ огромна и необъятна, особенно много газетных статей и публицистики в интернет-изданиях, в которых злоба дня отодвигает в сторону обсуждение вопроса по существу. Приведу в качестве примера обзорную статью «Распад России в начале XXI в. в высказываниях современников»¹ публициста О.Ю.Маслова. В статье дается интересная подборка большого числа работ, разбитых по таким темам, как распад России как предмет осмысления, обыденность темы распада, распад России и власть, развал и расчленение России и др.

Можно уверенно сказать, что нет такого политика, публициста, общественного или государственного деятеля, который бы не высказался по поводу развала России. Только несколько имен – Е. Холмогоров и Г. Каспаров, М. Леонтьев и П. Святенков, К. Ремчуков и К. Родионов, А. Елисеев и Г. Греф, М. Калашников и М. Ремизов. Даже нынешний Председатель Правительства Д.А. Медведев высказался однажды на эту тему и произнес фразу, которую

¹ Маслов О.Ю. Распад России в начале XXI в. в высказываниях современников. <http://www.polit.nnov.ru/2009/05/11/disintegrationru/> (дата обращения: 29.11.2014).

многократно цитировали и упоминали различные источники под характерным названием «Кремль предупреждает о возможном распаде России»².

В этот список можно включить и большое количество известных ученых – историков, экономистов, политологов, культурологов, философов, таких как М.Г. Делягин, А.И. Фурсов, А.А. Малинецкий, В.Д. Соловей, С.Е. Кургинян, А.А. Проханов, Н.А. Нарочницкая, В.В. Аверьянов, В.Т. Третьяков, И.Г. Яковенко и многих других.

В идейно-идеологическом плане ситуация выглядит следующим образом. Есть две основные позиции в общественном сознании страны, на всех его уровнях от высокой академической науки до повседневности, естественно, с массой промежуточных точек зрения. Первая позиция состоит в том, что в стране идут процессы дезинтеграции, ослабления единства и целостности государства и вполне возможен и вероятен их переход в активную фазу. В самых различных массовых изданиях постоянно публикуются материалы, в которых сообщаются конкретные факты и говорится: вот видите, уже идет процесс распада.

В интернет-версии газеты «Политика» (27.05.2013. 21:30:00) приводится интервью с главным редактором «Независимой газеты» под знаковым названием «Дезинтеграция России уже фактически началась». Конечно, следует согласиться с тем, что имеются факты правовой экстерриториальности, вытеснения лиц нетитульной нации в национальных республиках из госаппарата, высказывания и конкретные действия радикальных исламистов, можно найти много другого негатива. И это все автор оценивает однозначно как продукты распада России.

Предприниматель Б. Туманов видит альтернативу неэффективной экономики в демократической раздробленности России на естественные экономические пространства (например, евро-

² В интервью журналу «Эксперт» в апреле 2005 г. тогдашний глава администрации Президента Д.А. Медведев заявил: «Если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство... последствия будут чудовищными. Распад Союза может показаться утренником в детском саду по сравнению с государственным коллапсом в современной России» (Медведев Д.А. Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. 2005. Апр. № 13. URL: http://expert.ru/expert/2005/13/13ex-medved_5168/ (дата обращения: 11.01.2015).

пейская Россия, Урал с Западной Сибирью, Восточная Сибирь с Дальним Востоком) (Газета.ру. 19.02.2009)³. Причина неэффективности экономики, из-за чего нужно сломать нынешнее государство, это вмешательство государства в дела бизнеса. И таких примеров можно привести множество. Но общее впечатление от чтения такого рода литературы остается тяжелым. Дело даже здесь не столько в самой теме распада и манере обсуждения, позициях авторов, сколько в том, как из отдельных событий, действий, высказываний тех или иных лиц готовятся совершенно конкретные свидетельства в пользу неизбежности дезинтеграции и, более того, уже начавшегося распада страны. Постоянно нагнетаемые публицистикой страхи и тревоги по поводу грядущего распада переходят нередко все разумные границы.

Очень распространены в литературе сценарии будущего распада России. Вот характерная позиция тех ученых, кто предрекает развал страны и пытается доказать его неизбежность. Известный культуролог И. Яковенко неоднократно обращался к теме дезинтеграции Российской Федерации. В одной из своих статей он верно пишет о государстве в том смысле, что государство как субстанция конечно⁴. А значит, однажды оно с необходимостью исчезнет. Недавняя катастрофа СССР породила немало доказательств на этот счет. Если государство на определенных этапах и является жизнеспособным, то из этого вовсе не вытекает, что оно таковым будет и впредь. Автор задается вопросом, «жизнеспособно ли это целое на данном этапе общеисторического развития?» В поисках ответа на него он выделяет составные элементы, из которых состоит российское государство. Это Север и Юг российского пространства, Сибирь и Северный Кавказ, а также межконтинентальная граница. Основной дезинтегрирующий фактор – модернизация. Конечно же, рыночная модернизация. Поскольку, как уверенно считает автор, она по-разному протекает в этих элементах, то модернизационные процессы, т. е. региональный рыночный эгоизм, просто раздирают государство на части. В процессе дезинтегра-

³ Цит. по: *Маслов О.Ю.* Распад России в начале XXI в. в высказываниях современников.

⁴ *Яковенко И.* Дезинтеграция России: сценарии и перспективы // *Отеч. зап.* 2002. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/dezintegraciya-rf-scenarii-i-perspektivy> (дата обращения: 15.11.2014).

ции государства распад произойдет по границам указанных ранее элементов. Вероятность распада России весьма высока, идут объективные процессы. И потому конечные выводы выглядят неутешительными. И главный среди них – «конкретизировать сценарии дезинтеграции бесперспективно», хотя сценарий представлен, а детали здесь уже несущественны. В статье ни слова не сказано, какие усилия следует предпринять государству, власти, обществу в целом, чтобы Россия не распалась. Впрочем, апокалипсические сценарии распада США, Китая, Евросоюза также пользуются большой популярностью в СМИ и особенно в интернете. Дань моде или знамение времени?

Другая позиция, сложившаяся в литературе, не просто фиксирует сложность ситуации, она говорит о необходимости сохранения нынешней формы российского государства, хотя, возможно, она и не является оптимальной. Здесь авторы постоянно говорят, предупреждают, бьют тревогу, что власти давно пора действовать решительно, чтобы переломить ситуацию, ослабить, если не «заморозить» совсем, действие нежелательных процессов и тенденций. Пока же власть принимает половинчатые меры, пытается достичь компромиссов там, где он, по-видимому, невозможен.

Одно их позитивных явлений состоит в том, что во многих аналитических материалах выражается явное стремление к формированию концептуальных подходов к пониманию проблем дезинтеграции и распада и к предлагаемым решениям. Обращают на себя внимание доклады, подготовленные в рамках исследований, проводимых Изборским клубом, среди активных деятелей которого встречаются фамилии известных общественных деятелей, ученых различных специальностей. В качестве примера можно привести аналитический доклад «Линии раскола в российском обществе». В нем говорится, что российское общество в результате большого числа одновременно действующих факторов оказалось раздробленным по множественным линиям. Среди рассмотренных линий раскола: социально-экономическая дифференциация, межнациональные отношения, отчуждение элит от народа, противопоставление так называемого «креативного класса» остальным группам общества. Авторы утверждают, что чем большей степени достигают в обществе вышеназванные расколы, тем больше нация подвержена усвоению чужих, привнесенных смыслов, культурных

и бытовых стереотипов. Создание самостоятельного полюса мирового влияния невозможно без высокого ценностно-смыслового объединения нации⁵.

Другой доклад Изборскому клубу, подготовленный группой экспертов под руководством С.Ф. Черняховского, посвящен анализу конфликтного поля национальных отношений в современной России⁶. Указав на то, что В.В. Путин назвал уничтожение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой XX в.», авторы особо подчеркивают, что это была также и цивилизационная катастрофа, – и крупнейшая национальная катастрофа, катастрофа советского национального проекта.

Подавляющее большинство национальных конфликтов связано именно с крахом советских национального и цивилизационного проектов. В результате был уничтожен социально-экономический строй и соответственно изменилось социально-экономическое обеспечение разных социально-этнических групп и регионов, были разрушены соответствующие хозяйственные структуры, обеспеченность трудом и соразмерным уровнем доходов, что привело к потере коммуникативного единства.

Есть основания думать, что многое из того, что печатается по поводу распада, является частью некой спецоперации в большой информационной войне против России. Чтобы не быть голословным, можно указать на книгу Э.В. Крюкова «Диффузная война»⁷, в которой показывается, как тесно взаимодействуют внешние и внутренние силы, преследующие цель максимального ослабления российского общества. Диффузная сепаратистская война, в результате которой распался Советский Союз, теперь «с неослабевающей силой ведется против России». В книге обстоятельно на большом фактическом материале рассмотрены основные направления этой войны, такие как уменьшительный русизм, сепаратизм окраин (Русский Север, Урал и Сибирь, казачество, Северный Кавказ), радикальный ислам в Поволжье и в других

⁵ Линии раскола в российском обществе. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/3264/> (дата обращения: 21.10.2014).

⁶ *Россия: схватка народов или гармония* // Изборский клуб. 2014. № 1. URL: http://www.dynacon.ru/arh/2014_01_Book.pdf (дата обращения: 21.10.2014).

⁷ *Крюков Э.В.* Диффузная война, которую ведут сепаратисты и террористы. М., 2013.

регионах. О том, насколько серьезны последствия этой войны, свидетельствует также материалы, приводимые в одном из томов шеститомного издания «Национальная идея России»⁸. Р. Пайпс, известный американский советолог, говорил на круглом столе «Старая и новая Россия», организованном Фондом «Либеральная миссия», по поводу современного состояния российского государства: «Мне кажется, что Россия слишком большая страна. Вы никогда не были способны управлять этой страной. Пятнадцать лет назад я дал интервью одной вашей газете, в котором сказал, что России лучше бы быть маленькой страной. Американцам нужна маленькая Россия. ... Думаю, Россия очень большая страна, которой невозможно управлять, и она не может управлять собой эффективно. Ей нужно стать меньше»⁹. З. Бжезинский открыто мечтает о России, устроенной по принципу «свободной конфедерации»¹⁰.

Если свести воедино все причины, которые так или иначе обуславливают возникновение самой проблематики дезинтеграции, то получится, что основным фигурантом здесь выступает государство. Конечно, многое в сегодняшней ситуации зависит от политики центральной власти, и ее нерешительность на фоне острейших проблем выглядит, на первый взгляд, вполне очевидной по многим конкретным вопросам. Но суть проблемы гораздо сложнее, чем просто недостаток политической воли.

Отсутствие качественных сдвигов в оздоровлении ситуации в стране, в преодолении застоя в немалой степени коренится в отсутствии глубоких философских и научных взглядов на оптимальную форму государственного устройства России. Это обстоятельство ни в коем случае нельзя недооценивать. Если выбрана неоптимальная форма, то любые меры, любые политические решения положительного или запретительного характера будут приносить лишь временные и неустойчивые результаты. И тут вряд ли помогут ссылки на ошибки прошлого, на сложность проблем, их историческую обусловленность.

⁸ Национальная идея России: в 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. Т. 3: Угрозы жизнеспособности страны. М., 2012.

⁹ Круглый стол «Старая и новая Россия». URL: 28.07.09. www.liberal.ru/articles/4318 (дата обращения: 20.05.2010).

¹⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 240.

К современной дискуссии о российском государстве

Дезинтеграция – это распад, расчленение целого на составные части. Дезинтеграционные процессы есть процессы ослабления связей внутри целого, в частности, это ослабление, дезорганизация институтов государственной власти, ее способности и возможностей контролировать и направлять ход общественных процессов и особенно в политической и экономической, информационной сферах жизни. Явления и процессы дезинтеграции при выходе за допустимый порог могут вести к распаду государства или к сецессии, отделению части государства от целого.

Нерешенность проблемы оптимального устройства российского государства, переходное, а точнее – неопределенное состояние нынешней формы российской государственности есть одна из главных причин сохранения высокого уровня напряжения во всем, что связано с борьбой интеграционных и дезинтеграционных процессов в обществе, с борьбой за сохранение целостности российского государства.

Ось раскола в общественном сознании, об этом уже выше шла речь, связано тем, что российское государство находится на перепутье. В обществе имеет место различное понимание вопроса о том, куда идет и куда должно идти российское государство – к национальному государству или к восстановлению прежней системы институтов высокоцентрализованного государства, другими словами, импероподобного государства. Это раскол глубокий и фундаментальный, несущий с собой действительно ряд явных и скрытых угроз территориальной целостности России. «Раскольные» мысли в стране прочно поселились не только в правящей элите, но и в общественном мнении, умонастроениях различных социальных групп.

В политическом аспекте конструкция государства не является оптимальной, судя по отношению к ныне действующей Конституции РФ 1993 г. Сегодня практически все политические движения и партии высказывают недовольство существующим устройством государства и выдвигают свои проекты новой Конституции и всей политической системы. В стране отсутствует общенациональное согласие по базовым ценностям, на которые могло бы прочно опираться общество и государства, и без этого согласия страна не

может двигаться вперед, успешно развиваться. Это самый серьезный вызов в настоящее время единству и целостности российского общества. Вопрос состоит в том, как оценить те предложения по совершенствованию Конституции РФ, по структуре властно-управленческой вертикали, особенно в части управления экономическими процессами.

Дело, конечно, не только в конституции. Можно в качестве примера указать на деятельность рационально построенных западных государств. Но при этом тщательно выписанные конституции вовсе не делают механизмы принятия исполнительной властью наиболее значимых решений понятными и отвечающими природе либерально-демократических ценностей. Наличие довольно развитой на низовом уровне демократии не может отменить того факта, что реальная власть на Западе – это тайная власть мировой финансово-банковской олигархии, стремящейся, и не без успеха, к превращению национальных государств в инструменты утверждения своего экономического и политического господства в отдельных странах и в мире в целом.

Самый важный поворот в обсуждении проблемы целостности российского государства состоит в обращении к проблематике империи. Как замечает Е. Ясин, «наша сегодняшняя беда в том, что мы уже ушли от империи, может быть, вопреки своему желанию, и еще не пришли к гражданской нации»¹¹. Многие авторы сегодня в стране обсуждают эту идею необратимости движения от империи. Д. Тренин назвал свою книгу «**Post-imperium: евразийская история**». «Страна уже не является империей, – пишет он, – и никогда больше ею не станет. <...> Россия находится не просто в переходном, а в неопределенном состоянии: переживаемый ею процесс на деле представляет собой трансформацию исторического масштаба, <...> не имеющую четко определенного конечного пункта»¹².

Общий настрой публикаций такого рода образно выразил Э. Паин «Смогут ли россияне выдать из себя империю?»¹³. Э. Паин – решительный противник империи и всех имперских ам-

¹¹ Ясин У. Фантомные боли ушедшей империи // После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М., 2007. С. 24.

¹² Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. М., 2012. С. 39.

¹³ Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1–2. С. 49.

биций. «В России растущая ксенофобия – одно из состояний затухающей империи, повелители которой» «эксплуатируют самые архаичные формы имперского национализма в сочетании с искусственным “традиционализмом” и клерикализмом»¹⁴. Автор всячески эксплуатирует якобы растущий в стране страх перед Западом, вновь порождающий психологию «осажденной крепости», но ни разу, ни одним словом, не усомнился в том, действительно ли это страх. А вдруг имперские настроения в стране вызываются стремлением к защите национальных интересов, к самосохранению страны и государства, его целостности, а вовсе не патологической реакцией на страх?

Возникает вполне естественное стремление понять, почему вопрос стоит только так: либо ненавистная империя, либо либеральная демократия по западному образцу. Все остальное для этих авторов не существенно. А почему не поразмышлять над тем, что империя не уходит, что она постоянно регенерирует себя, воспроизводит каждый раз специфическим образом свою атрибутику. И почему империя, просуществовавшая в течение столетий, как в виде империи Романовых, так и в виде Красной империи-СССР, не уходит сегодня из РФ в прошлое. Как мне представляется, имперофобия в нашей литературе основана на ложных предубеждениях, когда империя заведомо наделяется негативными оценками, если сказать мягко и уклончиво, но на самом деле здесь есть реальная теоретическая, философская проблема, к анализу которой обращается все больше и больше отечественных авторов.

Матрица (инвариант) российской государственности

Существование социальной онтологии в классических границах новоевропейской философии при всем разнообразии направлений не вызывает сомнений. Это в полной мере относится и к западному государству. Своеобразие онтологической модели российского государства настолько велико, что о нем следует говорить особо.

¹⁴ Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья. С. 50.

В своих дальнейших рассуждениях о матрице российской государственности мы будем опираться на теорию институциональных матриц, которая получает сегодня все более широкое распространение и признание во многих общественных науках – в социологии, экономике, политологии. «Согласно этой концепции, институциональные матрицы представляют собой первичные, исходные социальные формы, складывающиеся при возникновении государств. Институциональные матрицы инвариантны, сохраняют свою природу и определяют характер исторической эволюции государства»¹⁵.

Центральной категорией в теории институциональных матриц выступает понятие базовый институт. «Базовые институты складываются на основе исторического опыта в результате приспособления населения, проживающего на территории государства, к тем внешним условиям, которые им даны. По мере развития обществ базовые институты проявляются во все более развитых формах, сохраняя при этом свою качественную специфику. Институты взаимобусловлены, определяют содержание и поддерживают функционирование друг друга, т. е. образуют определенную систему. Главной функцией базовых институтов является регулирование основных сфер общественной жизни»¹⁶.

Исторически сложились две институциональные матрицы – первоначально восточная (X-матрица) и гораздо позже, уже как устойчиво функционирующая система, – западная (Y-матрица). Особый интерес представляет собой выявление причин исторического формирования двух различных матриц. Что касается восточной матрицы, то в качестве основных сфер общественной жизни мы ограничимся в этой статье выделением экономической, политической и духовной (идеологической) сфер жизни общества. Существует принципиальное различие между этими двумя институциональными матрицами и с точки зрения составляющих их базовых институтов. Восточная институциональная матрица в своем развитом виде – это матрица классической империи, а западная матрица – это матрица либерально-(буржуазно)демократического государства.

¹⁵ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2001. С. 4–5. См. также: 2-е изд. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X–Y теорию. М., 2014.

¹⁶ Там же. С. 41.

Главной отличительной чертой этих матриц выступает характер материально-технологической среды общества. Коммунальность или интегрированность материально-технологической среды означает, что окружающая общество природная среда и создаваемая людьми техносреда могут использоваться им в хозяйственных целях в определяющей степени только как единая нерасчленяемая система. Деление ее на независимые части, а тем самым ее разрушение, несет с собой угрозу прекращения функционирования всей материально-технологической среды, делает невозможным существование общества в его прежнем виде. Работа всей системы требует предельно четкой координации, централизованного управления, а также защиты всего пространства ее расположения от внешних угроз. Такого рода интегрально-технологическая среда формирует потребность в распределительной (раздаточной) хозяйственной системе, которая неотделима от государственного руководства и управления единым (народным) хозяйством, порождает неразделяемое единство власть-собственность.

Наличие государственной властной вертикали как отношений непосредственного господства и подчинения (не следует забывать, что восточный или незападный тип институциональной матрицы носит добуржуазный характер) определяет природу социального единства общества, особенности социальной структуры общества (сословное или кастовое общество) и социальных отношений. Высокоцентрализованное государство здесь всегда выполняет определенные патерналистские функции в отношении различных социальных слоев и этнических групп. Патернализм – это, прежде всего, определенная социальная поддержка населения. В более широком плане государство мыслится гарантом социальной справедливости, но это с точки зрения нормативного взгляда на функции государства. В реальности все, конечно, выглядит гораздо сложнее.

В западной институциональной матрице государственно-административная система управления настолько доминирует над процессами самоорганизации в обществе, что история общественной жизни людей и есть в значительной степени история государства. При этом как внешние, так и внутренние факторы постоянно содействуют скорее сохранению и укреплению этой системы, нежели наоборот. Можно сказать и по-другому. Процесс высвобожде-

ния социальных отношений, в том числе процессов человеческой самоорганизации, из-под практически абсолютного господства государства носит весьма сложный и длительный характер. В обществе отсутствуют любые формы политической оппозиции, исключительную роль в нем играют духовно-идеологические механизмы сплочения, принуждения и управления. Наличие базового института, связанного с функционированием духовно-идеологической деятельности, предполагает неразрывное единство верховной власти и института церкви. Религия выступает важнейшим условием сохранения идентичности как государством, так и его подданными, и потому она является предметом особой заботы государства, поскольку именно религия выступает обладателем вселенских, общемировых духовно-нравственных смыслов. Получается так, что в институциональной матрице незападного типа базовый институт государственности занимает доминирующее место. Таким образом, есть все основания говорить о незападной институциональной матрице как о матрице (инварианте) государственности.

Базовые институты институциональной западной матрицы не тождественны базовым институтам восточной матрицы вопреки имеющимся представлениям в современной литературе. Материально-технологическая среда в становящемся буржуазном обществе не носит коммунального, интегрального характера вследствие индивидуального характера предпринимательства. В итоге происходит освобождение сферы экономики от государственного вмешательства. Конечно, участие государства в экономике остается, но оно принципиально по-новому организуется. Государство становится инструментом, проводником экономических интересов буржуазии как правящего класса. Оно активно используется для развития предпринимательства, в первую очередь, с целью приобретения и удержания внешних рынков, источников дешевого сырья. Все это и многое другое свидетельствует о том, что институциональная матрица западного общества и ее базовые институты имеют другое назначение. Рационализация общественной жизни на Западе порождает три относительно самостоятельные сферы жизнедеятельности человека в обществе – сферу экономики, политическую сферу и сферу социальных отношений. И соответственно три фундаментальные научные дисциплины, их изучающие – политическую экономию, теорию государства, впоследствии по-

литологию, и социологию. По сути, можно говорить скорее об институциональной матрице предпринимательского или рыночного общества (в другой терминологии общества модерн), включающей в себя матрицу западной государственности.

В течение последних столетий конкретные исторические репрезентации базовых институтов как российской, так и западной государственности действительно заметно отличались друг от друга. Предваряя дальнейшие рассуждения, мы скажем, что эти изменения не вышли за рамки, обусловленные сложившимися двумя институциональными матрицами – западной и незападной. О возможности радикальной замены институциональной матрицы, поглощения одной из них другой или о возможности появления конвергентной модели следовало бы поговорить отдельно. Здесь можно утверждать лишь о естественно-исторической последовательности в смене форм воплощения институциональных матриц первого и второго типов. Применительно к анализу истории российского государства методологически важно показать, что институциональная матрица и ее базовые институты в конкретных исторических формах государства остались неизменными с точки зрения воплощения природы этой матрицы. В значительной мере это обстоятельство может послужить основой для решения современных проблем целостности Российской Федерации.

Важно ответить на один из главных вопросов, который широко обсуждается в отечественной литературе, – являлись ли РФ, а ранее СССР, а еще ранее Российская империя целостными органическими социальными образованиями, поскольку именно государство принимало решающее участие в формировании и удержании его единства. Но можно ли в таком случае единство называть целостностью? Часто приводится пример с Советским Союзом. Жесткое государственно-административное удержание единства СССР, имевшего место на протяжении семидесяти лет, в ходе перестройки резко ослабло, и это немедленно привело к распаду страны. Далее судят по аналогии, вот и сегодня только высоко централизованная власть силой принуждения удерживает страну от распада. Можно затормозить или отсрочить распад, но не более того. Российская Федерация как социальное образование не обладает внутренней целостностью и органичностью. Поэтому распад неизбежен.

Общий смысл ответа на поставленный вопрос открывается при взгляде на российскую историю последних столетий. Если государство динамично развивается, если в отношениях между различными сторонами и сферами жизни общества имеет место определенная соразмерность в развитии, то очевидно имеет место соответствие государственной формы и социального содержания. Разве это не является свидетельством органичности и целостности? Если государство теряет динамику и впадает в застой и безвременье, то это означает, что существующая форма государственного устройства не соответствует новому содержанию общественной жизни. Форма и содержание пришли в противоречие друг с другом. Следовательно, в незападных обществах в содержание целостности с неизбежностью включается и наличие государственной организации общественной жизни.

При обращении к специфике Российской империи необходимо принять во внимание, прежде всего, историческое время ее возникновения, т. е. соотнесение со временем возникновения других империй. Русское централизованное государство (вторая половина XVII в.) нередко называют традиционной империей. В этом государстве складываются основные черты российской империи, которая де-факто появится только при Петре I. Но Российскую империю Петра I уже нельзя назвать классической империей. Это неклассическая империя по той причине, что в Европе в это время усиленным ходом идет становление капиталистического способа производства, старые феодальные монархии превращаются в абсолютистские монархии, а впоследствии они в большинстве своем преобразуются в новые империи, империи колониального типа. Капитализм в метрополии, отделенной от заморских колоний, основывается на неэквивалентном обмене с периферией. В Российской империи вообще не было деления на метрополию и колонии. Все пространство есть пространство империи. Главное в том, что Российская империя растет и утверждается в условиях, идущих в Европе глубоких трансформаций, связанных со становлением капиталистического общества или общества модерна.

Проблема цивилизационной характеристики российского государства

Эта проблема является одной из самых сложных проблем. Но именно в ней обнаруживаются наиболее глубокие коды межнациональных и региональных отношений в нашей стране, которые плохо просматриваются в сегодняшних, на первый взгляд, весьма запутанных и иррациональных по своим проявлениям противоречиях и конфликтах. Постановку проблемы и попытки ее решения, разумеется, необходимо рассматривать в стадияльно-исторической плоскости.

Догосударственные народы могут обладать широко развитой первобытной культурой, но они еще не достигли уровня цивилизации. С возникновением государства, т. е. устойчиво действующей властной вертикали, государственно-административных органов управления появляются и растут городские поселения. Вместе с письменностью и языком складываются и формируются цивилизационные основы государства, которые включают в себя и религию. На протяжении всего времени существования империи она сохраняет статус государственной религии. Условием длительного и устойчивого состояния единого государства выступает не только наличие силового удержания единства, но и формирование духовной связи между людьми.

Содержание понятия цивилизации не ограничивается социально-исторической средой, общественными институтами, культурой в широком смысле слова. Она включает в себя и территорию, тот природный ареал, в котором она живет, развивается и который определяет своим содержанием (климат, богатство или бедность природных ресурсов, величина и форма территории) самодостаточность как условие исторической эволюции цивилизации. А следовательно, ее особое место во всемирно-историческом процессе. При такой трактовке цивилизации можно с известными допущениями говорить о возникновении единого феномена «империя-цивилизация» в добуржуазную эпоху, хотя полностью государство не покрывает и не вмещает всего богатства цивилизации, но выступает формой ее организации.

Российская империя, а затем и СССР, занимают евразийское пространство, которое названо западными геополитиками Хартлендом – Сердцевиной Земли, в основном включающей по совре-

менным границам азиатскую часть РФ и Среднюю Азию. Так сложилось исторически, что Российская империя заняла эту географическую нишу. Исторической судьбой России в силу определенных причин стало собирание Больших пространств Евразии, преодоление евразийского хаоса. Уровни организации в глубинах Евразии были на порядки ниже, чем в прибрежных ее регионах. Масштаб и сложность проведенной цивилизационной работы остается до сих пор не до конца осмысленным и оцененным. Но эту роль, которая исторически выпала на долю России, она выполнила.

Русская цивилизация сформировалась в процессе создания Русского централизованного государства, когда было достигнуто органичное соединение церковной православной культуры и государства в XVII в. (Святая Русь). Русский народ выступил тогда государствообразующим народом. Но правомерно и другое утверждение: когда формирование русского народа (этнуса) с самого начала проходило не на этнической, а на религиозной, православной основе.

Русское централизованное государство и впоследствии Российская империя постоянно стремились в силу особенностей отношений между соседями к укреплению и расширению своих границ. Многие дела делают Россию уникальным государственным образованием. Россия имела и имеет границы практически со всеми ведущими цивилизациями (в прошлом империями) мира. Означает ли это, что рост российской империи автоматически вел к становлению и российской цивилизации? Это важный вопрос. На территории государства проживало и проживает сегодня огромное количество многочисленных и малочисленных народов или этносов, которые имеют иную культуру и иную, чем православие, веру. Это привело с неизбежностью к возникновению ряда цивилизаций, находившихся на ранних ступенях формирования, но обладавших помимо прочего и существенным потенциалом развития. И вместе с тем плотно интегрированных в социальное и политическое тело империи. В ней сложился удивительный и неповторимый мир миров, мир цивилизаций.

Свое правовое и конституционное оформление эти становящиеся цивилизации получают уже при Советской власти. Согласно Конституции РСФСР 1937 г., когда завершается процесс национально-государственного строительства, на территории

Российского Федеративного государства образуются автономные республики, автономные области и национальные округа (входившие в состав краев и областей). Все достаточно многочисленные и сложившиеся этносы получили свою хотя и неполную, но государственность, а автономные республики свою конституцию, учитывая их особенности. Сегодня Российская Федерация продолжает эту традицию, унаследованную от РСФСР.

В 1930-е гг. вплоть до середины 1980-х гг. проблематика цивилизаций не была предметом обсуждений в общественных науках. Но сегодня можно говорить о наличии в границах Российской Федерации целого ряда локальных цивилизаций. Они представляют собой отдельные части исламской цивилизации, буддийской цивилизации, арктической (или циркумполярной, иногда северной) цивилизации, а также кавказская (иногда с добавлением горная) цивилизация. Выделяемые черты двух последних цивилизаций носят достаточно спорный характер¹⁷, но они представлены в литературе и активно поддерживаются. У каждой из них свои особенности возникновения и современного существования в стране и в мире.

Здесь действительно возникает немало сложных вопросов. На путь к национальному государству так и не вступила имперская Россия, тем более не был пройден и во времена Советского Союза. Поэтому стремление к созданию в стране парламентской республики западного типа явно или неявно направлено против сохранения вертикали национально-государственного устройства. Отрицание своеобразия других цивилизаций, расположенных на территории России, с неизбежностью ведет к открытым призывам в национальных образованиях к независимости, а стало быть к высокому уровню сепаратистских настроений в этих государственно-национальных образованиях, что, собственно, сегодня и происходит. Однако реализация этого варианта ведет к неконтролируемым

¹⁷ См., например: *Абдулатипов П.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Науч. мысль Кавказа. 1995. № 1; *Черноус В.* Кавказская горная цивилизация как субъект цивилизационно-культурного взаимодействия. <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizacija-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html> (дата обращения: 18.11.2014); *Кефели И.Ф.* Циркумполярная цивилизация в геоцивилизационной структуре глобального мира. <http://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC042013/PC2013-04-354-365-if-kefeli.pdf> (дата обращения: 18.11.2014).

последствиям, это будет самый конфликтный сценарий распада Российской Федерации, если он состоится, конечно. Впрочем, не было достаточных условий для возникновения полноценных национальных государств и на базе бывших союзных республик. Когда союзное государство распалось, то в них не было наций западного типа, которые не могли сложиться в советских условиях. Новые независимые государства естественно пошли по пути создания государственных органов власти на моноэтнической основе с провозглашением титульной нации, которая становится доминирующей во всех сферах жизни формально провозглашенной демократической республики. Сохранение вертикали национально-государственных образований в обозримой перспективе является жизненной необходимостью для Российской Федерации.

О российской нации и российской цивилизации

Поскольку на территории российского государства проживает ряд народов, относящихся к другим цивилизациям, то в этой связи и возникает вопрос о том, в каком смысле можно говорить о существовании российской цивилизации. Все, кто проживает на территории России, есть жители России, и они все вместе составляют гигантский суперэтнос, который называется обычно российским суперэтносом. Известно, что все народы, все этносы на территории России живут практически впережку. Внутри этого суперэтноса имеют место многочисленные этнические взаимодействия, приводящие к росту доверия или отчуждения, тенденции к сближению и перемешиванию на основе межэтнических браков. Значительная часть политиков и ученых считают, что идут процессы становления российской нации, хотя есть авторы, которые с разной степенью категоричности отрицают их.

Становление российской нации, по-видимому, действительно имеет место. Но понятие нации в этом процессе приобретает особый смысл в сравнении с западным пониманием нации. Когда ранее шла речь о базовых институтах матрицы российской государственности (которая окончательно оформляется во времена Петровской империи), то одним из них выступает духовно-идеологическая связь между жителями (подданными) империи как

нормативное требование и условие ее существования и восходящего развития. Империя предъявляет вселенский по масштабам религиозный проект объединения всех народов империи с целью достижения идеального общества, оправдывая и наделяя высшим смыслом совместное их проживание. Верховная власть своей «идеологической» работой вселяет уверенность в величие духовного замысла, в правоте имперского проекта и вместе с церковью борется с отступниками и неверующими за великое дело и призвание империи. Нация в империи создается на основе единства духовной связи, конечно не только духовной. Здесь имеет место двуединая и государственно-административная, и духовная деятельность.

Пока существует матрица российского государственности, в каждой конкретно-исторической форме ее воплощения будет проявлять себя духовная связь между гражданами или жителями страны, как нормативное требование. Разрушение этой связи или ее отсутствие становятся реальной угрозой для существования конкретной формы государства. Так произошло с Российской империей, у которой не было своего проекта. Попытки спасти в начале XX в. многоэтничную империю, превратив ее в русскую империю, на основе православного проекта привели к огромному росту межнациональной напряженности, появлению протестных движений в национальных окраинах и закончились распадом империи. Точно так же можно говорить и в отношении Советского Союза. Когда «Красный проект» воодушевлял всех граждан страны, когда вера в светлое будущее, которое они строят своими руками, была незыблемой, страна имела удивительные достижения, что можно назвать по аналогии с русским чудом – советским чудом. В это же время и советская идеология демонстрировала свою эффективность, показывала на конкретных и реальных примерах правильность выбранного пути. Шло становление единого советского народа, но можно сказать – и единой советской нации. В той мере, в какой складывалось действительное единство советского народа, складывалась и советская цивилизация. Это были взаимно обусловленные процессы. Но как только «Красный проект» по разным причинам стал терять свою привлекательность в глазах миллионов советских людей, стала вырождаться и идеология, за ее красивыми, привлекательными лозунгами и призывами стали обнаруживаться пустота и отсутствие смыслов.

В современной Российской Федерации на другом историческом материале и в другое историческое время происходят аналогичные процессы. Особенность ситуации заключается в том, что высшие смыслы, которые могли бы объединять российских людей, сегодня практически отсутствуют. Идентифицировать себя с государством можно только в формальном смысле: каждый житель имеет паспорт, удостоверяющий его гражданство, его принадлежность к Российской Федерации. Поэтому и возникает вполне резонный вопрос, как возможно становление российской нации в отсутствии духовного единства между людьми, когда в наличии эрозия, неэффективность государственного устройства власти и управления. Начинают возникать и нарастают дезинтеграционные процессы, у определенных сил появляется настойчивое желание сломать или, скажем аккуратнее, радикально трансформировать нынешнее государственное устройство. К тому же в обществе отсутствует и официальная идеология, и ее содержательное оформление невозможно, пока нет духовной основы (национального проекта или идеи).

Когда житель и гражданин России называет себя россиянином, это не отменяет возможности выбора им различной цивилизационной или этнической идентичности. Бурят как представитель бурятской нации, живущей на территории России, может разделять идеи и культуру буддийской цивилизации, но в то же время как гражданин Российской Федерации есть россиянин. Но понятие «россиянин» в сегодняшней ситуации пока не принимается людьми различных народов и этносов как свидетельство их принадлежности к сформировавшейся российской нации. Это лишь тенденция, и требование отказа от приоритета своей нации или этноса в пользу российской нации ведет к разогреву этнических конфликтов с непредсказуемыми последствиями. К слову сказать, государственно ориентированные органы телевидения, радио, СМИ много занимаются созданием единого культурного пространства в границах Российской Федерации, защитой единства и целостности российского государства. Но духовно-объединительной составляющей как не было последние двадцать лет, так нет ее и сегодня. Если нет или крайне замедленно идет процесс становления российской нации, возможный, повторю еще раз, одновременно как на государственной, так и на духовной основе, то в аналогичном состоянии

находится и становление российской цивилизации. И все равно резонно задаться вопросом, почему страна не может жить по своим собственным критериям и исторически сложившимся традициям и обычаям, одним словом, согласно своей российской матрице жизни¹⁸. В общем, линия развития российской государственности: Русское государство, Российская империя – Советский Союз – Российская Федерация и с точки зрения национальных отношений представляет собой разительный контраст с линией развития европейской государственности.

Границы территории российского государства нередко изменялись по разным причинам, поэтому и возникали ситуации, когда части территории оказывались в составе другого, пограничного государства или становились независимыми. Такого рода события произошли в 1991 г. В частности, сегодня разные части русской цивилизации, которые оказались за пределами Российской Федерации, именуется как неотъемлемые части русского мира. Политолог В.А. Никонов, директор фонда «Русский мир» заметил по этому поводу, что русский мир – это «своеобразная цивилизация, которая шире этносов и территорий», а «принадлежность к нему – прежде всего самоощущение»¹⁹. Этот мир, в котором постоянно живет русская мысль и русское слово, объединяет русскоязычное население, живущее за рубежом. И в этом случае сами люди идентифицируют себя не просто как русские, а считают себя частичкой русской (российской) цивилизации, материнское лоно которой находится в России. Можно говорить о русском мире в Казахстане или во Франции, где диаспоры насчитывают миллионы русских людей. Точно так же можно говорить о мире франкофонии, объединяющем территории всех стран, население которых говорит на французском языке и т. д.

Наряду с такой устойчивой частью русского мира за рубежом существует большое количество людей, интересующихся русским языком и русской культурой, но не причисляющих себя к русским. Так что русский мир – это сложное, многослойное образование, он может сокращать свое влияние под наступательным воздействием

¹⁸ См. подробнее: *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014.

¹⁹ *Никонов В.А.* Выступление на круглом столе в Институте философии РАН 18 марта 2010 г. URL: <http://www.taday.ru/text/351974.html> (дата обращения: 18.11.2014).

других культур, поэтому для того, чтобы русский мир мог успешно существовать, он должен получать различную поддержку, в первую очередь государства.

В России во все времена уделяли огромное внимание культуре и, прежде всего, художественной культуре – литературе, в том числе публицистике, театру, музыке, живописи, а в XX в. кино. В имперской модели государственности нет места открытой политической борьбе, критическим выступлениям политической оппозиции. В этом смысле занятия политикой гласно или негласно почти постоянно оказывались под запретом как в Российской империи, так и Советском Союзе.

Но потребность в совершенствовании общественных отношений, моральных устоев общества от этого не становилась меньше. Некоторые исследователи нередко с недоумением отмечают, что вся классическая русская литература XIX – начала XX в. носит критический характер, она отвергает культ денег, богатства, индивидуалистического успеха, разрушение традиционных ценностей. Нередко ее авторы подвергаются преследованиям, которые занимают «обличительством» вместо того, чтобы воспевать растущую мощь государства или поддерживать новые веяния, идущие от Запада. Но в обществе нет другой возможности подвергнуть различные подлинные и мнимые новации сомнению, вынести приговор. Критический реализм – это не только борьба со всем злом, исходящим от «вещественной цивилизации» Запада, но и стремление к осуществлению вечных идеалов правды, добра и красоты, поиск новых путей к торжеству нового человека и новых, человеческих, отношений. Художественная культура становится мощным средством воспитания, установления духовных связей между людьми, которые оказываются порою крепче, чем сословные, а тем более связи, основанные на меркантильных интересах. В.М. Межуев прав, говоря, что культура есть система, «создаваемых в процессе деятельности человеческих отношений, связывающих людей в пространстве и времени. Таким образом, общественные отношения не исключаются из культуры, а образуют самую ее суть»²⁰. Мерой человечности выступает существование свободной индивидуальности, для которой духовно-нравственные ориентиры име-

²⁰ Межуев В.М. Идея культуры. М., 2006. С. 305–306.

ют высшую, абсолютную ценность. Национальная идея, которая для русской мысли не может не быть мировым проектом, находит наиболее глубокое и содержательное воплощение в философских трактатах, религиозных текстах, художественных произведениях, а затем уже трансформируется в идеологические принципы и постулаты, моральные кодексы и звонкие лозунги. Эта связь духовного и государственного начал – от полной гармонии и симфонического единства до ожесточенного противостояния и отрицания есть существенная и необходимая сторона отечественной истории, она реализует себя во всех исторических формах российской государственности. И по тому, какие складываются отношения между литературой, духовной культурой в целом и государственной властью, можно говорить не только о степени благополучия или неблагополучия в царстве-государстве, но и о том будущем, какое для него готовится историей.

Современное российское централизованное государство, если оно желает быть эффективным, должно воспроизводить в той или иной степени все свойства не только имперской структуры власти и экономики, но и обладать мощно выраженной духовно-нравственной идеей. В импероподобных государствах это абсолютно необходимая сторона их жизни, самое сложное и самое главное условие нормального существования. Государствам западного типа, как показала история, достаточно иметь единое экономическое пространство с высоким уровнем общественного разделения труда, развития товарно-денежных, рыночных отношений, которые скрепляют общество лучше всяких идей. Впрочем, отсутствие высокой, объединяющей идеи привело современное западное общество в тупик потребительства. Это обстоятельство служит еще одним подтверждением тому, насколько различными оказываются институциональные матрицы восточного и западного типов в их конкретно-исторических воплощениях, в закономерностях функционирования и развития отдельных обществ.

Влияние внешнего фактора на дезинтеграционные процессы в России

С появлением Московского царства в ходе дальнейшего развития государства, особенно в имперскую эпоху, складывается доминирующая тенденция, направленная на постоянное расширение его территориальных границ. Конечно, имели место потери отдельных территорий и их обратное возвращение, – все это было естественной исторической практикой. Эти процессы вплоть до середины XIX в. вряд ли можно назвать процессами интеграции-дезинтеграции или сессии в современном их понимании. Но внешние факторы постепенно дополняются новыми чертами, прежде всего, растущим извне экономическим, политическим и информационным воздействием на страну. По мере развития капитализма в Западной Европе это воздействие на Российское государство становится все более мощным и многообразным. Здесь и нужно искать ответ на вопрос, почему путь к национальному государству не был и не мог быть пройден имперской Россией.

Одна из важных особенностей внешнего фактора состоит в том, что отношения с Западом, а это решающее направление в отношениях России с зарубежными странами, не являлись на протяжении столетий симметричными. Историческая отсталость России по мере развития капитализма на Западе дополняется еще и растущей от него зависимостью, прежде всего, в экономической, научной, технической сферах. Среди особенностей исторического взаимодействия России и Запада необходимо также выделить их циклический характер. Имеется в виду периодически складывающаяся политическая стратегия Российского государства, направленная в один исторический период времени на сближение с Западом, а в другой – на удаление от него. По этой причине процессы дезинтеграции, возникающие в России, получают правильное освещение только в случае их соотнесения с конкретным этапом взаимодействия России с Западом, т. е. необходимо выяснить, идет ли Россия на сближение с Западом или, наоборот, пытается от него дистанцироваться как можно дальше. Периодически страна попадает в ситуации исторической ловушки или исторического тупика, поиски выхода из которых сопровождаются сменой вектора в от-

ношениях с Западом, а нередко и вместе с полным разрушением государства и последующим восстановлением российской государственности в новой конкретно-исторической форме. Начинается поиск путей и средств достижения оптимальной конструкции нового государственного устройства, и в случае его успеха страна достигает огромных успехов в своем развитии и перешагивает через различные угрозы дезинтеграции, отодвигая их в сторону.

Все эти обстоятельства побуждают к тому, чтобы заново осмыслить роль внешнего фактора в историческом развитии Российского государства в прошлом и настоящем. Традиционные представления о роли внешних факторов, которые могут облегчать или затруднять существование и развитие государства, сегодня требуют существенного переосмысления.

Совокупность хозяйственных, финансовых, торговых, политических и иных отношений составляют ту внешнюю социальную среду, которая создается и поддерживается взаимодействующими между собой отдельными обществами. Вся сложность и неоднозначность воздействия внешней социальной среды на ход и направление эволюции российского общества очень часто остается без должного внимания, особенно когда внутренняя эволюция тех или иных социальных явлений и процессов не ставится в связь с внешними факторами. Но известно, что государство, которое сильнее и могущественнее другого, получает в ходе взаимодействия реальные возможности для управления, по сути, эволюцией других более слабых обществ. Внешний фактор играл и продолжает играть решающую роль в определении перспектив российского государства на протяжении последних четырех-пяти столетий.

Реперной точкой в отношениях Европы и Российской империи явилась середина XIX в. Есть много оснований считать, что проблемы дезинтеграции России в современном смысле возникают с началом либеральных реформ Александра II, с того момента, когда Российская империя становится периферийной частью сложившейся к тому времени капиталистической мировой системы и в России начинает постепенно складываться зависимый тип капиталистического развития, имеющий колониальную перспективу развития. Ориентация на внешний рынок и усиленная эксплуатация национальных и региональных окраин приводит к неизбежному росту всех противоречий в стране. Реальные угро-

зы дезинтеграции и сепаратизма начинают нарастать во времени. Отдельные регионы пытаются требовать федерализма, и более того, сецессии, т. е. отделения от России. Воздействие новых политических систем, сложившихся в странах Запада, ставит со всей остротой вопросы дальнейшей исторической судьбы имперской формы государственности для всех такого рода стран, но для каждой империи процессы трансформации впоследствии оказываются различными. Империю разрушают не только либеральные реформы и национальные движения со стороны многих нерусских народов, живущих в Российской империи. Ее разрушает и мощная информационная агрессия Европы против России, которая приобретает целенаправленный характер особенно после триумфальной победы России над Наполеоном, прихода русских войск в Париж и Венского конгресса, на котором Россия наряду с Великобританией, Австрией, а также Пруссией и Францией вошла в число великих держав. Россию начинают изображать агрессивной, отсталой страной, которая становится растущей угрозой для богатеейшей Европы.

Но можно ли было в этих условиях сохранить империю, именно в смысле целостного государства и не допустить распада – или она была обречена? Это отдельная и предельно дискуссионная тема. Превращение России в ведущую капиталистическую страну могло быть повторением пути развития Германии, которая к тому времени прочно встала на альтернативный путь тоже капиталистического развития в жестком противостоянии, в первую очередь, Англии. Но для России этот путь оказался закрытым. Отношения Запада к России строились на твердом убеждении, что Россия не должна быть альтернативным центром развития, создающим угрозу для экономического могущества Запада. Это положение справедливо и в отношении имперской России, и Советского Союза и, тем более, сегодня в отношении Российской Федерации.

Стать ведущей капиталистической страной, войти в центр капиталистической мировой системы России не позволяет зависимый и потому постоянно отсталый тип капиталистического развития. А колонией Россия никогда не станет в силу своей имперской сущности. Общеευропейский тренд на становление национальных государств в начале XX в. начинает распространяться далеко за пределы Западной Европы. Поведение верховной власти в России,

если говорить очень кратко, было направлено на сохранение империи любыми средствами. Несмотря на усиление властной вертикали и бюрократического, в том числе репрессивного, аппарата верховная власть в XX в. потеряла стратегический контроль над протеканием социальных процессов. Катастрофа произошла и по той причине, что у империи не было своего проекта. Ее насильно встраивали в чужой, либеральный европейский проект. Движение в сторону национального государства означало даже не федерализацию империи, а распад, потерю страной территориальной целостности. Но именно распад оказался самым неприемлемым для российского общества сценарием выживания России.

Первая мировая война, революция 1917 г. и гражданская война привели образованию гигантского евразийского хаоса на территории бывшей Российской империи, который удалось преодолеть и собрать вновь в единое государство – Советский Союз ценой больших жертв и усилий.

Советский Союз, как ни удивительно на первый взгляд, воплотил в наиболее полном виде институциональную матрицу российской государственности²¹. Это и создание высоко централизованного государственно-административного аппарата власти и управления, распределительной экономики и, конечно же, духовно-идеологического «Красного проекта». Все это вместе, помноженное на энтузиазм и самоотверженность советского народа, привело к выдающимся результатам и сделало страну второй супердержавой мира наряду с США²². В рамках настоящей темы мы лишь подчеркнем: за годы существования СССР прошел полный цикл в своем взаимодействии с Западом – от достижения полной сначала политической, а затем и экономической независимости от него, и до стремительного движения к Западу в годы перестройки. Преступно проведенная перестройка загнала страну в еще один исторический тупик, из которого для страны нашелся только один выход – распад СССР, появление в результате распада новых не-

²¹ См.: *Фурсов А.И.* Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilisinmobile (социальная философия русской власти). <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480> (дата обращения: 12.09.2012).

²² Более подробно изложение нашего взгляда см.: *Шевченко В.Н.* Внешний фактор и развитие российского общества // *Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества.* М., 2014.

зависимых государств и переход их на рельсы капиталистического развития, первоочередной задачей которого стало создание не только рыночной экономики, но и рыночного общества. В итоге страна утратила экономическую независимость и превратилась в сырьевой придаток Запада, в периферию капиталистической мировой экономики, она заняла то само место, на котором она находилась до 1917 г. Кроме того, новая российская власть почти полностью утратила в первое десятилетие своего существования политическую субъектность на мировой арене, особенно в отношениях с Западом.

Мы далеки от мысли, что институциональная матрица российской государственности обладает только одними достоинствами. История показала, к каким последствиям приводит отсутствие надежной обратной связи в обществе, прежде всего, в лице развитой политической оппозиции. Общество теряет адекватное представление о своем собственном состоянии и о мире, ее окружающем. Вместе с тем постоянное давление Запада, направленное на то, чтобы Российская империя или Советский Союз не стали угрозой его экономического и политического господства, усиливают процессы деформации и перерождения внутри самой общественной системы, ведут ее к ослаблению и потере темпов развития. А это, в свою очередь, стимулирует усиление вертикали власти. Но есть и более общие причины противостояния двух сторон – Запада и России. Это несовместимость или слабая совместимость темпоральных процессов, имеющих место в западной цивилизации времени и незападных цивилизациях пространства.

Сегодня стало очевидным, к каким последствиям в развитии страны может приводить действие внешних факторов. Навязываемая извне модель нового устройства Российского государства по западному образцу породила в стране огромный комплекс внутренних проблем. Оказались разрушенными в разной степени все базовые институты институциональной матрицы. Страна заплатила огромную цену за игнорирование требований институциональной матрицы.

Иллюзии новой власти были связаны с тем, что, войдя в мир капитализма, новая Россия создаст конкурентоспособную рыночную экономику и станет нормальным европейским государством. Но внедрение модели открытой рыночной экономики привело к

рождению и укреплению периферийной сырьевой экономики, компрадорского капитализма, к вывозу огромных капиталов, породила гибель многих отраслей реального сектора экономики и медленную деградацию общества. В центр капиталистической системы новую Россию Запад не допустил, и допускать сегодня тем более не намерен.

Главный фактор, способствующий усилению сегодняшних дезинтеграционных процессов, заключается в провале экономической политики государства, которой, впрочем, фактически и не было. Государство было просто изгнано из экономики, планово-централизованная модель экономики была полностью разрушена. Но тут же произошло сращивание власти с крупными собственниками. Сегодня власть, стараниями радикальных либералов, пытается свернуть до минимума и патерналистскую роль государства, что означает социальную поддержку и социальную защиту, приверженность идеям социальной справедливости, и взамен она ничего не предлагает кроме рынка.

Отличительная особенность сегодняшнего российского государства состоит в том, что Конституция РФ 1993 г. воспроизвела самую главную черту институциональной матрицы российской государственности. Она сохранила институт верховной власти в стране. Эта власть принадлежит Президенту РФ. Должность президента вынесена за рамки политической системы. Он объявлен гарантом Конституции, что породило то фундаментальное противоречие, которое пронизывает собой практически все сферы современной жизни: жесткая вертикаль власти или рыночное общество, полуразрушенная империя или либеральная демократия, парламентская республика западного образца. Но бесконечно долго это противоречие не сможет оставаться неразрешенным. В какую сторону пойдет маятник российской государственности, в решающей степени будет зависеть от того, как российское общество поведет себя на новом этапе глобализации.

Новый этап глобализации и российское государство

В последние десятилетия произошли огромные масштабные изменения в мире. Как пишет известный экономист Р.Дзарасов, «иллюзорная картина мирового рынка как сообщества равноправных конкурентов внушается господствующей либеральной идеологией, чтобы затушевать иерархические по своей сути отношения господства и подчинения, на которых основано мировое хозяйство»²³.

Сегодня на мировой арене правит бал транснациональный финансово-банковский капитал. Он рассматривает правительства отдельных стран как механизмы реализации их стремлений к экономическому и политическому господству. Особенность нового этапа глобализации связана с окончанием этапа внедрения неолберальной модели глобализации, поиском капитализмом новой исторической формы, с нарастающим хаосом и непредсказуемостью в развитии мировых отношений и с растущими попытками многих государств мира в этих условиях отстоять свой суверенитет, право принимать решения исходя из своих национальных интересов. Только крупные и сильные государства, а тем более их союзы и объединения государств могут противостоять попыткам США продолжать линию на сохранение однополярного мира. Сегодня – эпоха реального становления многополярного, полицентричного мира. Он только начинает двигаться по этой новой траектории, и точка невозврата, наверное, еще не пройдена.

Рост экономического, политического, информационного и военного давления капиталистического центра в последние десятилетия на весь остальной незападный мир, в том числе и на Россию – очевидный факт.

В течение двух последних десятилетий российскому государству и обществу беззастенчиво навязывается удобная для Запада траектория дальнейшей эволюции российского общества, и эта угроза по значимости для страны приблизилась к некоторой критической точке. Интенсивность, размеры и цели воздействия

²³ Дзарасов Р. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости // Альтернативы. 2013. № 3. С. 94.

Запада на Россию сегодня приобретают буквально судьбоносный для страны характер. Многие в истории российского государства в прошлом зависело от того, насколько адекватным оказывались принятые в такой критической ситуации решения верховной власти. К сожалению, история, в том числе и нашей страны, показывает, что осознание правящей элитой надвигающейся исторической катастрофы наступало, как правило, *post factum*.

В реальности мы имеем дело сегодня с фундаментальным противоречием в жизни российского общества. Одной рукой верховная власть укрепляет позиции государства на международной арене, защищает и не без успеха свои национальные интересы, создает мощный ОПК, модернизирует армию, много внимания уделяет военно-патриотическому воспитанию. А другой рукой проводит внутри страны радикально-либеральную экономическую политику, которая не только не привела к динамичному развитию по инновационному пути, но даже не может гарантировать количественный рост ВВП, провоцирует обострение социальной напряженности, пытается решать острейшие проблемы образования, культуры, здравоохранения рыночными методами.

России нужно прилагать огромные усилия с тем, чтобы сохранить себя как сильное, независимое и самостоятельное государство. Европа не желает усиления России. Выход один – налаживание и укрепление связей со странами Азии, которые способны уменьшить давление на Россию со стороны Европы.

Сегодня главный вектор политической стратегии российской власти постепенно меняется – от Европы к Азии. Возникает естественное стремление к усилению централизованного характера власти, политическому единению россиян. Известный историк А.И. Фурсов пишет о том, «что импероподобное государственное образование – империя нового типа – наилучшая форма государственности для России не только с точки зрения исторической традиции, но и с геополитической точки зрения»²⁴. Она позволит Рос-

²⁴ «Под “имперскостью” имеется в виду не восстановление империи типа Российской или квазиимперии типа СССР – реставрировать в истории ничего нельзя. Речь идет о высокоцентрализованной высокоинституционализированной наднациональной структуре, державообразующим народом которой являются русские. Ясно, что такая структура – кошмар для всех врагов России как за ее пределами (почитайте Бжезинского), так и внутри» (Фурсов А.И. Будущее русской государственности: НАЦИЯ? ЦИВИЛИЗАЦИЯ? ИНОЕ? //

сии уверенно двигаться по собственному национальному пути развития. В этой связи есть смысл обсудить вопрос о неизбежности выбора Россией в результате неравноправного взаимодействия с западным капитализмом по принципу «центр-периферия» модели некапиталистической рыночной экономики. Именно этот тип экономики имел место в Китае до середины XIX в. и вновь уверенно показывает себя в современном Китае²⁵

Трагический распад СССР, реальные угрозы существованию Российской Федерации прямо говорят о том, что высоко централизованная организация государственной власти и управления незападного типа сегодня оказываются предельно востребованной в условиях нового этапа глобализации. Распад больших и сильных многоэтничных централизованных государств, которые в процессе своего взаимодействия все больше будут определять ход истории, на национальные государства для них неактуален. Эта тема постепенно уходит из повестки дня. Нельзя допустить распада Российской Федерации, который принесет не только огромные страдания миллионам людей, но и приведет к фактическому уходу русской цивилизации, а возможно и самих русских как этноса, нации с исторической арены.

Успешность борьбы с дезинтеграцией во всех ее аспектах зависит, прежде всего, от правильного понимания сущности российской государственности, устройства современной формы государства. В противном случае казалось бы разумные пути по преодолению сепаратизма будут упираться в невидимые препятствия, потому что они противоречат базовым, фундаментальным основам российской государственности. Необходимо побудить правящую элиту к самотрансформации. А если этого не произойдет, тогда встанет вопрос о смене элиты.

Сегодня идут сложные процессы формирования и укрепления общих ценностей, духовных культурных смыслов совместной жизни многонационального российского народа. Вся сложность ситуации заключается в том, что против страны развязана небы-

Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. URL: <http://www.russia-today.ru/tema-nomera/1847-andrej-fursov-budushhee-russkoj-gosudarstvennosti-naciya-civilizaciya-inoe.html> (дата обращения: 11.01.2015).

²⁵ См. подробнее: *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век. М., 2009. С. 18 и далее.

валяя по интенсивности информационная война. Все ценности ставятся под сомнение. И главное, нужно отстаивать наш великий праздник – 9 мая, день Победы над нацизмом, нацистским проектом тотального порабощения мира. Никакой национальный проект не утвердится в стране, если будет разрушено это самое глубокое и сегодня, по-видимому, единственное метафизическое основание единства всего многонационального и многоконфессионального народа России.

Итоговый вывод состоит в том, что продуманные и целенаправленные действия на основе требований институциональной матрицы российской государственности, ее базовых институтов, несомненно, способствовали бы преодолению различных угроз дезинтеграции страны, успешному развитию национальной экономики, укреплению суверенитета и национальной безопасности государства, качественному повышению уровня жизнеспособности всего российского общества.

ГЛАВА 2

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Глобализация сегодня признается самым влиятельным политическим процессом современности. В большинстве работ она рассматривается как необратимое движение к объединению человечества в единое целое. И для такого суждения до недавнего времени, действительно, были основания. Успехи послевоенной экономики западного мира, ускоренное распространение по планете новейших средств коммуникации, информационная революция, восприятие европейско-американского образа жизни как образца для подражания – все это составляет тот базис, который выглядит привлекательно для большинства населения планеты.

Однако в самые последние годы демократические ценности используются в качестве идеологической риторики, а демократия из социальной и политической теории становится лозунгом, под эгидой которого реализуется явное и неявное стремление к завоеванию мирового господства. Все отчетливее проявляется безальтернативный лидер, который диктует свою волю мировому сообществу, уничтожая основы международного права и исходя из интересов одной-единственной привилегированной нации, настаивающей на своей исключительности. Формируется логика господина и раба, которая грозит небезызвестному вырождению демократии в тиранию.

Создавшуюся ситуацию не спасает популярная в последнее время теория мультикультурализма, а точнее политика мультикультурализма. Все чаще она проявляет свою идеологическую

заданность, призванную наспех замаскировать намерения и планы «золотого миллиарда» по упрочению своего господствующего положения. Позитивный лик глобализации растворяется в небесах идеалистических мечтаний человечества о «золотом веке» мира и прогресса как улыбка загадочного и манящего «чеширского кота» и уступает место довольно зловещим очертаниям Нового мирового орднунга.

В складывающейся картине Нового мира Россия волею исторических судеб оказывается в самом эпицентре событий, причем при далеко не самых благоприятных для себя условиях. Более того, она снова, как это не раз уже бывало, обнаруживает себя у края пропасти и стоит перед современной гамлетовской дилеммой в отношении самого своего существования, т. к. в последние годы сформировались тенденции, которые создают движение к ее дезинтеграции.

Прежде всего, модифицировалась геополитическая ситуация, в которой находится Россия. Западные партнеры, на которых она ориентировалась последнее время, радикально изменили свое отношение к ней и далеко не в лучшую сторону. Разрываются связи времен и народов, так и не сформировавшись. Приграничные российские государства трансформировались из дружественных в нелояльные, да и просто откровенно враждебные. Вспыхнули открытые военные конфликты непосредственно у границ нашей страны. Формируется угроза национальной безопасности, государственному суверенитету и целостности самого российского государства. Все эти процессы являются прямым следствием радикальной перегруппировки общих глобальных тенденций, которая проявляется буквально на наших глазах. Прежнее понятие глобализации как достаточно нейтральное, «объективное», политически неуправляемое и независимое уходит в прошлое.

Мы только начинаем это осознавать, но это ощущают и об этом пишут в последнее десятилетие наиболее прогрессивные политические ученые на Западе. Изучение работ этих авторов позволяет синтезировать отдельные черты нового облика глобализации, далеко не миротворческого, и которые нацелены на дезинтеграционные тенденции в развитии, в том числе и нашей страны.

* * *

В самом общем виде глобализация понимается как процесс распространения капитализма в мировом масштабе, основу которого составляет рыночная экономика, т. е. свободная циркуляция товаров, капитала и людей в интересах рынка. Как указывает франкоязычная Википедия, целью этого проекта является установление Нового мирового порядка, во главе которого должно стоять мировое Государство (*un État mondial*)²⁶. Как и всякий проект, глобализация имеет свою идеологию, которая обозначается как глобализм, или, по-французски, мондиализм. На данный момент окончательная номенклатура составных частей, которые определяют структуру этой идеологии, не сложилась. Однако это не отменяет высшей цели глобализации – уничтожения идеи нации или этноса, а также объединения, слияния всех народов в новое качество – единое человечество.

Истоки идеологии глобализма

Истоки универсалистской идеологии восходят к Французской революции, когда была сформулирована следующая многообещающая идеологема: «Человечество, или человеческий род, сможет жить в мире только тогда, когда станет одним телом, одной нацией»²⁷. Многочисленные войны и революции, которыми был так богат XIX в., породили мечту о «вечном мире», и потому следующий шаг в этом направлении был сделан в XX в. В 1939 г. писатель-социалист Герберт Уэллс написал философское произведение «Новый мировой порядок», в котором, в частности, есть такие строки: «Настоящее государство <...> должно быть отныне мировым федеральным Государством... Нашей подлинной национальностью должен стать человеческий род»²⁸.

Эти общечеловеческие мечты в самом скором времени получили прагматическую интерпретацию. В том же году появилась книга американской журналистки Кларенс Стрейт, которая назы-

²⁶ *Mondialisme*. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Mondialisme#cite_note-2 (дата обращения: 15.05.2014).

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

валась «Союз или хаос» с подзаголовком «Американское предложение по реализации федерации сильных демократий», полный тираж которой в 300000 экземпляров был скоро распродан²⁹. В этой работе К.Стрейт указывала на федеративное устройство США как на прототип Нового мирового порядка, а приоритетной проблемой назвала «создание мирового правительства». Как выражаются современные авторы, ее книга очень быстро стала настоящей библией глобализма³⁰.

Таким образом, уже в прошлом веке достаточно отчетливо проявилась тенденция к политическому лидерству в построении Нового мирового порядка. Этому способствовали некоторые субъективные обстоятельства – особые черты национального самосознания американцев.

На всем протяжении истории США американская политика постоянно вдохновлялась утопической идеей «идеального, чистого и совершенного» народа вкупе с мечтой о «новом мире», «новой земле». Здесь, несомненно, сказалась «родовая травма» образования колумбовой Америки в далеком XVI в. Эта «земля обетованная» рисовалась в коллективном воображаемом как пространство, лишенное тех недостатков, от которых бежали переселенцы Старого Света. И это делает вполне объяснимым современную американскую позицию, отличающуюся «мегоманиакальным мессианизмом, которым отмечены политические речи американских правящих кругов»³¹.

Надо заметить, что подобное глобалистское исступление появилось не сегодня, и даже не вчера. В начале XX в. будущий президент В. Вильсон заявил: «Америка – единственная идеальная нация в мире... У Америки есть неисчерпаемая привилегия уважать свою судьбу и спасти мир... Мы пришли для того, чтобы искупить мир и даровать ему свободу и справедливость»³². Поразительному постоянству, упорству и самоуверенности американцев следу-

²⁹ *Clarence Streit*. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Clarence_Streit (дата обращения: 15.05.2014).

³⁰ *Mondialisme*. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Mondialisme#cite_note-2 (дата обращения: 15.05.2014).

³¹ *Gharbi F.* Mondialisme, unipolarité et délire messianique. URL: <http://fr.worldmathaba.net/items/567-mondialisme-unipolarite-et-delire-messianique> (дата обращения: 16.05.2014).

³² *Ibid.*

ет поучиться другим народам планеты, ибо почти столетие спустя новый американский президент, наш современник Дж. Буш почти слово в слово повторил воззвания В. Вильсона. Он сказал: «США – это нация, избранная Создателем, которой уготована миссия освобождения мира, и они должны ее выполнить, став во главе лагеря Добра против оси Зла»³³. Именно этот политико-религиозный мессианизм лежит в основании современной американской универсалистской миссии.

Этическая мотивация великого американского «предназначения» – борьба Добра и Зла – предопределила культурологический поворот агрессивной и, по сути, милитаристской терминологии грядущего Армагеддона. Как известно, последняя мистическая битва должна представлять собой очистительную задачу по избавлению от орд «варваров» во имя вечного мира и счастья на Земле. Но как раз так и формулируются сегодняшние призывы по строительству Нового мирового порядка – «цивилизация» против «варварства». Дело в том, что после низвержения единственного политического противника либерализма – коммунизма в лице СССР – возникла необходимость в новой мобилизационной доктрине. Но более действенного средства, чем религиозная одержимость, трудно себе представить. Библейская дилемма Добра и Зла внятна всем игрокам мировой политики – и католикам, и протестантам, и мусульманам. Остается только расставить акценты – кого назначить на роль «варваров». Некогда таковыми рисовались коммунистические режимы. Еще совсем недавно эту задачу успешно выполнял исламский фундаментализм. Но уже сегодня мы видим, что «цель» стала подвижной, и главным «мировым злодеем» вновь объявляется Россия, которая рисуется как «угроза» человеческому роду, более весомая, чем смертоносный вирус Эбола.

Вот так рождается один из главных современных парадоксов глобализма, который, по определению, должен стремиться к объединению всего человечества. Прагматизм динамики властвования диктует свою извечную логику – чтобы властвовать, и властвовать единолично, однополярно, надо прежде разделить. Все, как и было предсказано, – «столкновение цивилизаций».

³³ *Gharbi F. Mondialisme, unipolarité et délire messianique.*

Портрет лидера Нового мирового порядка, или Глобализация как колонизация другими средствами

12 октября 1999 г. Генри Киссинджер в своей лекции, прочитанной в Тринити-колледже в Дублине, сказал: «Глобализация – всего лишь другое название американской гегемонистской политики»³⁴. К 2002 г. стало окончательно ясно, что формируется новая идеология, целью которой является продвижение американских ценностей и достижение мирового господства. Тот факт, что США являются новой мировой империей, почти никто на Западе сегодня не оспаривает. Дискуссия касается деталей, правда, весьма существенных, которые рисуют своеобразный облик нового властелина мира, прикрывающего свои истинные намерения лозунгами о демократии.

Беззастенчиво примеряя на себя имперский плащ, США продолжают рассуждать в «дискурсе» свободы, соблюдения прав человека. Как пишет по этому поводу почетный профессор философии политики Университета в Калгари Кай Нильсен: «... Бесстыдно провозглашая ценности свободы и одновременно расширяя свои доминирующие позиции в мире..., представляя тем самым угрозу всему миру... США под предлогом защиты свободы, подрывают основы этой самой свободы всюду, где только они ни появляются»³⁵. Выступая от имени права, более того, как исторический провозвестник правового государства, Америка на деле превращается в главного судью современности, преобразуя при этом объективность мирового права в американский вариант «имперского права», в котором отстаиваются и соблюдаются интересы только одной нации – американской.

Империализм американского замеса есть империализм неприличный – это империализм без официальных колоний. Действительно, у США нет колоний. Но у них есть целый ряд клиентельных и компрадорских государств (*des bataillons d'États clients et*

³⁴ *Latouche S.* D'autres mondes sont possibles, pas une autre mondialisation // *Revue du MAUSS.* 2002. Vol. 2. No. 20. P. 82.

³⁵ *Nielsen K.* La mondialisation au service de l'Empire // *Regards philosophiques sur la mondialisation.* Sainte-Foy, 2005. P. 19.

d'États *comprador*)³⁶, который выполняют функциональную роль колоний. Население «идеологически оболваненных» стран Востока и население сверхэксплуатируемого Юга заставляют думать, что глобализация есть благо и для них, хотя прибыль и весь авантаж от процесса получает только главный игрок. В этом смысле глобализация есть идеология, работающая в интересах современного класса капиталистов, имеющих порт приписки в США.

Как мы наблюдаем сегодня, на фоне мировой истерии, направленной против России, в разряд таких государств включаются даже развитые европейские страны, которые отказываются от самостоятельной политики и «обслуживают» интересы США. Эта новация позволяла достаточно долгое время скрывать истинные завоевательские намерения Америки, ибо национальные интересы США реализуются другими игроками, т. е. не прямо, а через европейских посредников. Такой маневр вводит в заблуждение контрагента (в данном случае, Россию), который долгое время пребывал в состоянии растерянности и делал бессмысленные попытки оправдаться в несуществующей вине и доказать свою правоту, в которой ему априори отказано.

Возможно, даже сама идея объединенной Европы представляла собой, по замыслу, юридическую и экономическую ловушку. Единообразия законодательства заставляют всех подчиняться Брюсселю и жертвовать национальными интересами во имя общего целого. Но само это целое находится под внешним контролем. Внутри Сообщества экономически сильные страны являются фактически политической доминантой ЕС, и они свой суверенитет делегируют за океан в соответствии с вполне легитимной и привычной логикой классической «договорной доктрины», лежащей в основании политической философии евро-американского мира: права гражданина «уступаются» монарху для обеспечения безопасности каждого. Такими неограниченными полномочиями сегодня пользуются США во всемирном масштабе.

Россия оказалась в ситуации изгиба потому, что она стала единственной страной, которая решилась открыто противостоять мировому гегемону. Одна из всех, одна за всех, одна противу всех. И этот демарш США не могут оставить безнаказанным. Сегодня,

³⁶ *Nielsen K.* La mondialisation au service de l'Empire. P. 20.

полагают они, есть только одна страна, которая все более широко и все более жестко контролирует всю планету. Поэтому безоговорочно подавляется любой, кто осмелится противостоять их господству. Как указывает канадский исследователь К. Нильсен, США разрушают или по крайней мере пытаются разрушить каждого, кто не желает им подчиниться³⁷.

При этом, помимо уже испытанного на более слабых в военном отношении соперниках милитаристском аргументе в арсенале воздействия на страны-«отказники» появляется совершенно новый политический инструмент давления – этический аргумент. Сейчас он апробируется на России.

Моральный дискурс – новая стратегия глобализации

Новым явлением современной глобализации, которое особенно явно обозначилось с началом XXI в., стало смещение политического дискурса в сторону морализаторства.

Аксиомой политической философии является структурная целесообразность существования идеи врага, которая создает необходимое равновесие системы. Этот факт определяет неизбежность поиска нового номинанта на эту позицию всякий раз, когда прежний враг исчезает. Вся политическая история западной цивилизации – это конструирование системы, сформированной вокруг идеи врага. Первые, еще концептуально неоформленные симптомы этого феномена, были провозглашены в римском сенате в знаменитом призыве «Карфаген должен быть разрушен!». С этого лозунга начиналось каждое выступление Катона Старшего. Римские политики, бывшие одновременно завоевателями мира, хорошо осознавали, что такой зачин консолидировал и мобилизовал коллективное бытие народа.

Инновацией современного мира является, однако, то, что современная геополитика значительно облегчает работу с непримиримыми оппонентами – сегодня необязательно уничтожать врага физически, достаточно уничтожить его морально. Это относительно поздняя вариация концепции «врага» К.Шмитта, которая

³⁷ *Nielsen K. La mondialisation au service de l'Empire. P. 28.*

стала возможной после удачной американской перифразы его учения, объявившей врагом номер один Империю Зла. Именно это положило начало морализаторскому акценту старой теории. **Моральная дискредитация противника** стала новой политической стратегией современности. Такое явление объясняется западными исследователями радикальным изменением структурного поля международных отношений, функционирующих сегодня в рамках **системной моральной монополии на истину**, которая определяется единственной сверхдержавой³⁸.

Такой монополии способствует структура самого политического пространства, в котором действует этот мировой субъект. В современной идеологии глобализации полностью отсутствует какой-либо намек на возможность конкуренции с другими системами, идеологиями или проектами. Та стратегия действия, которую предлагает идея глобализации, априори считается абсолютной и стоящей выше какой бы то ни было альтернативы развития. «Отныне такие темы как рынок, индивидуализм или преследование частных интересов предстают не как выражение лучшего образа жизни, и даже не как самого лучшего, а как единственно возможного образа жизни»³⁹, указывает профессор философии политики университета Оттавы К. Меллос. Морализм проекта глобализации доходит до того, что порой принимает религиозные формы почитания. Так, для американского исследователя Х. Кокса, воспевающего свободу как главную ценность современного мира, рынок приобретает сакральный характер и его роль сравнивается с ролью Господа Бога в отношении современного человечества⁴⁰. Другой американский аналитик уподобляет иерархию потребительства божественной иерархии⁴¹.

Для созидания Нового порядка предполагается расширение поля **контроля**. Все, что мешает реализации идеологии глобализации, есть зло и оно обречено на уничтожение. Именно такая поли-

³⁸ *Lionel P.* L'ennemi à l'âge des conflits asymétriques // Sociétés. 2003. No. 80. P. 73–88.

³⁹ *Mellos K.* L'idéologie de la mondialisation: redéfinition de la justice // Regards philosophiques sur la mondialisation. Sainte-Foy. (Québec). 2005. P. 35.

⁴⁰ *Cox H.* The Market as God: Living in the New Dispensation // The Atlantic Monthly. 1999. Vol. 283. No. 3. P. 18–23.

⁴¹ *Duvall T.* The New Feudalism: Globalisation, the Market, and the Great Chain of Consumption // New Political Science. 2003. Vol. 25. No. 1. P. 81–97.

тика и стала главной в отношении нашей страны. При этом используется весь накопленный арсенал воздействия – от относительно «мягких» до открыто милитаристских.

Американизация как культурное оружие «мягкой идеологии»

Спектр воздействия мирового лидера на реципиентов разрабатывается давно, и он весьма широк. Контроль начинается со средств, скрытых и опосредованных, которые в сегодняшнем мире оформились в понятие так называемой «мягкой идеологии». Ей соответствует «туманная», или, как выражается автор рецензии на книгу с одноименным названием, «ватная терминология», позволяющая реализовать косвенное и незаметное идеологическое вторжение на территорию врага, изменить его традиционные ценности и заместить их своими⁴². Последние два с половиной десятилетия реализовывалась именно эта предварительная стадия завоевания России.

«Мягкая идеология» генетически связана с процессом «американизации» мира. Термин «американизация» появился в начале XX в. и обозначал рост влияния американских ценностей и американского образа жизни на культуру других стран. Само понятие было изобретено в 1907 г. и первоначально относилось к росту популярности американского образа жизни в соседней Канаде. Долгое время значение термина воспринималось как ограниченно культурологическое, как проникновение американских культурных паттернов в молодежную среду, в сферы массовой культуры, включая музыку, телевидение и кинематографию. Однако по мере того, как стала оформляться *идеология* американизации, опиравшаяся на доктрину «мягкой власти», вторжение США переместилось в область политических процессов и неожиданно обнаружило устойчивую связь между ассимиляцией американских ценностей и усилением межэтнических конфликтов, повышением агрессивности национализма и ростом революционности.

Культурная глобализация сегодня воспринимается уже не как миролюбивая миссия, а как артиллерийская подготовка для начала американского вторжения. «Из всех видов глобализации куль-

⁴² *Timbal-Duclaux L. La langue du coton // Communications et langages. P., 1992.*

турная глобализации самая заметная. Ее глобальная смертоносная разрушительная поступь сметает все традиционные защитные барьеры. И именно эта грань глобализации наиболее явно и очевидно связана с американским глобальным господством»⁴³, – пишет итальянский социолог, профессор Лондонской школы экономики Д. Конверси.

В своей современной форме культурная глобализация вовсе не есть международный *обмен*. Она может быть определена в самом общем виде как массивированный и однонаправленный импорт культурных продуктов и стандартизированных моделей из одной единственной страны – США. Следствием этой глобальной угрозы является возрастающее чувство «культурной небезопасности». При этом исследование феномена «американизации» отмечено концептуальным и терминологическим вакуумом – это явление воспринимается очень поверхностно, бессистемно, частично и неполноценно. Не осознается вся глубина проблемы. Анализ сосредотачивается на тривиальных и главным образом коммерческих сторонах распространения промышленных американских товаров массового потребления. На самом деле, однако, главный вызов состоит в том, что существуют определенные взаимоотношения между глобализацией и национализмом.

Действительность опрокидывает утверждения фанатиков свободного рынка о том, что глобализация несет с собой слияние культур. Исследования показывают, что конфликты вызывают не сами контакты разных этнических общностей, а то чувство коллективной угрозы, к которым приводит культурная глобализация. Угроза культуре группы, ее образу жизни и ее чувству самосохранения совершенно очевидно вызывает коллективную мобилизацию, потому что составляет самую сердцевину *культурной небезопасности*, пишет американский профессор У. Коннер⁴⁴.

Первичная социализация некогда происходила внутри семьи. В период индустриализации с распространением всеобщего обязательного школьного обучения эта функция перешла к государству,

⁴³ *Conversi D.* L'américanisation et l'expansion planétaire du conflit ethnique: le piège de la mondialisation. URL: http://www.planetagora.org/theme4_suj2_note.html (дата обращения: 19.06.2014).

⁴⁴ *Connor W.* Nationalism and political illegitimacy // *Ethnonationalism in the Contemporary World*. L.; N.Y., 2004.

а с наступлением эпохи постмодернизма была передана в руки магнатов масс-медиа. Но когда группа не может больше социализировать детей в соответствии со своими традициями и культурой, это ставит под угрозу существование нации. Эта угроза приводит к «культурному самоубийству» или «самогеноциду» («suicide culturel» ou «auto-génocide»), указывает профессор политических наук Б. Барбер в книге «Джихад против мира МакДональдса», ставшей ответом на известную работу Ф. Фукуямы. Массовое лишение корней разрушает культуру, а это, в свою очередь, ведет к социальной дезинтеграции. Таким образом, «McWorld» уже несет в самом себе идею планетарного Джихада⁴⁵.

Одна из главных причин роста сопротивления идеологии американизма и, соответственно, ответной реакции национализма, кроется в том, что Д. Конверси называет «пирамидальной» структурой глобализации. Дело в том, что настоящей культурной глобализации в современном мире нет. Вместо нее имеет место пирамидальный процесс, «идущий сверху вниз, когда маленькая кучка индивидов или групп, практически полностью американских, вырабатывает модели, которые они насаждают всему остальному человечеству»⁴⁶.

Сегодня у этого «славного нового глобального мира» есть своя столица, и это скорее Голливуд, чем Вашингтон. Настоящая культурная глобализация – это вымысел или мечтания идеалистически настроенных исследователей, которые замкнулись в своей башне из слоновой кости и не знают действительности. За пределами этой роскошной академической изоляции «голливудизация» стала единственной реальностью для миллионов жителей планеты.

Сегодня все большее число аналитиков и простых граждан в западном мире осознают, что американизация есть не продукт свободного выбора, но составная часть хорошо продуманного политического проекта, в основе которого лежит навязывание централизованной и тщательно подготовленной культурной политики. При этом сами США защищают свой внутренний рынок мерами культурного протекционизма под предлогом самопровозглашенного превосход-

⁴⁵ Barber B.R. Jihad vs. McWorld. N.Y., 1995.

⁴⁶ Conversi D. L'américanisation et l'expansion planétaire du conflit ethnique : le piège de la mondialisation. URL: http://www.planetagona.org/theme4_suj2_note.html (дата обращения: 14.06.2014).

ства своей культуры над другими культурными образцами. «Если американцы видят на своих экранах менее 5 % иностранной продукции, то как они могут прийти к пониманию остального мира?», задает риторический вопрос Жан Тардиф, автор французского перевода работы Д. Конверси «Американизация и планетарная экспансия этнического конфликта: ловушка глобализации»⁴⁷. Понятно, что в такой ситуации чувство культурной небезопасности, уже широко распространившееся по планете, рискует усилиться еще более.

Национализм и ксенофобия прогрессируют вместе с глобализацией: национализм становится единственным средством противостояния внешней агрессии. В большинстве посткоммунистических стран взрыв шовинизма, расизма, неофашизма и ксенофобии идет рука об руку со слепой верой в массовый консюмеризм. Доктрины свободного рынка привели к триумфу анархо-капитализма и мафиозных структур в макдоналдизированных странах Восточной Европы⁴⁸. Посткоммунистические общества, руководимые коррумпированными и марионеточными правительствами, променяли свои древние культуры на пачку американских долларов. Эти общества были превращены в культурные «*tabula rasa*», что подготовило почву для штурма культурной глобализации⁴⁹. Во всех бывших коммунистических государствах американизация прямо заместила советизацию как в политическом плане, так и в культурном. McDonald, MTV и Голливуд ликвидировали всех соперников в культурном плане, а в плане политическом структуры «старого режима» через коррупцию и прямое подчинение были напрямую использованы корпорациями с американским управлением. В связи с этим Д. Конверси приводит слова Дж. Сороса, который достаточно резко заявил, что «... фундаментализм свободного рынка представляет сегодня большую угрозу для открытого общества, чем любая идеология тоталитаризма»⁵⁰. Эту политику в полной мере и во всех вышеприведенных ракурсах испытала на себе Россия. Именно так подготавливался разгром большой и сильной страны.

⁴⁷ *Conversi D.* L'américanisation et l'expansion planétaire du conflit ethnique : le piège de la mondialisation.

⁴⁸ *Gray J.* Anarcho-capitalism in post-communist Russia // *False Dawn: the Delusions of Global Capitalism.* L., 1998. P. 132–165.

⁴⁹ *Conversi D.* Post-communist societies between ethnicity and globalization // *Journal of Southern Europe & the Balkans.* 2001. Vol. 3. No. 2. P. 193–196.

⁵⁰ *Soros G.* *The Crisis of Global Capitalism. Open Society Endangered.* N.Y., 1998.

Сегодня «культурная артподготовка» подходит к концу, начинается этап прямого вторжения. Американское завоевание планеты не ограничивается такими мирными средствами воздействия, как культурная экспансия. Как уже отмечалась, она является всего лишь «артиллерийской подготовкой» для решительного марш-броска на непокорных. А потому сердцевиной современной политики глобализации и обретения полноценного мирового господства стал новый тип «горячей» войны – так называемая «всемирная гражданская война», предвестие которой содержится в последних работах К.Шмитта.

«Всемирная гражданская война» как новый тип геополитики XXI в.

В одной из своих последних работ под загадочным названием «Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического»⁵¹ К. Шмитт предсказал коренную трансформацию стратегии поведения ведущих мировых игроков на мировой арене в конце XX – начале XXI в. Работа эта была преддверием его главного труда «Понятие политического», которое составляет фундамент современной политической философии власти и господства. Главные постулаты «Теории партизана», однако, не были сразу осознаны и оценены научным сообществом. И это понятно, потому что реальные феномены, угаданные гением К. Шмитта, проявились в полной мере только сегодня.

К. Шмитт показал качественное изменение мировой конъюнктуры после Второй мировой войны. Оно совпадает с крахом Вестфальской системы мироустройства, в основании которой лежала идея суверенитета государств, выступавших как главные субъекты мировой политики. Именно они были гарантами мира, порядка, а также правил поведения во время войн, которые начинались, велись и заканчивались по определенному образцу. Под этими знаменами человечество прожило так называемый «долгий XIX в.», с 1789 по 1914 гг., который закончился с началом Первой мировой войны. Для него были характерны опреде-

⁵¹ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М., 2007.

ленные «условия игры», которые сравнимы с жесткими рамками проведения аристократических дуэлей и которые соблюдались всеми неукоснительно.

Противоборства между странами, в том числе в их острых стадиях – стадиях войны, имели значительные ограничения, которые К. Шмитт называет «обереганиями». Прежде всего, они велись не между народами, а между государствами, которых представляли в боевых действиях армии. Армии – структуры регулярные и легальные. Войны имели начало, кульминацию, которая разворачивалась в решающем сражении, и конец. Соответственно, можно было разделять эпохи существования народов на военные и мирные, что породило чаяния «вечного мира», установления равновесного и гармоничного человеческого существования. Поскольку выяснение отношений между государствами происходило с помощью регулярных формирований под руководством профессиональных военных, то существовало незыблемое правило нераспространения военных действий в отношении гражданского населения. Присутствовало разделение на «комбатантов» и «некомбатантов». Важнейшим следствием указанных моментов было то, что противник рассматривался **не как преступник, а именно как противник**, которого можно и должно уважать и которого не подвергали дискриминации и криминализации, т. е. **не уничтожали морально**. Таковы были «классические войны», или, как их называет К. Шмитт, «оберегаемые войны», которые составляли главную фигуру «долгого XIX в.» вплоть до Первой мировой войны 1914 г.

Для Вестфальского миропорядка, или, как именовал его Шмитт, «номоса» Земли, была характерна еще одна существенная особенность. Она состояла в том, что над суверенными и территориально замкнутыми европейскими государствами не признавалось никакой верховной власти, которая могла бы выступить в качестве арбитра в случае возникновения между ними конфликтов и противоречий по тем или иным вопросам межгосударственного существования. Государства, таким образом, обладали **высшим** суверенитетом, именно они определяли направления внутренней и внешней политики, были ведущими субъектами международного порядка.

Ситуация стала меняться в течение так называемого «короткого XX в.» (1914–1991 гг.), когда отрабатывалась и прорабатывалась методика и методология нового типа геополитических взаимодей-

ствий – того, что К. Шмитт определил как состояние «всемирной гражданской войны». Новое мировое бытие связано прежде всего с размыванием и фактическим крахом идеи суверенитета государств. Сегодня это называется глобализацией.

Новая политическая реальность XX в. состоит в том, что на смену регулируемой, «охраняемой» и конечной войне приходит совершенно новая сущность – идеологическая война. Она постепенно выкристаллизовывалась из двух главных разновидностей – гражданских войн и колониальных. В дальнейшем появились такие ее усовершенствования, как «холодная война» и, наконец, – достижение последнего времени – «информационная война». Несмотря на указанное разнообразие, суть этих разновидностей сводится к тому, что это есть, прежде всего, война ценностей. Но ценность имеет собственную внутреннюю имманентную логику. И нее следует главное – отрицание ценности за противником, за другим, за противоположной стороной, что с неизбежностью требует уничтожения носителя отсутствия ценности. Только так ценность может стать истинной ценностью, реализовать свой гештальт, освободившись окончательно от антиценности.

Из этого важнейшего обстоятельства возникает целый ряд характеристик.

Новый миропорядок образует новую форму политического пространства – *пространства абсолютной враждебности*. Дело в том, что «тотальная малоценность» предполагает прежде всего моральное уничтожение противника, его дискриминацию и диффамацию. Главной политической тактикой становится его криминализация. Враг – это абсолютный враг, т. к. он находится в моей собственной сфере. А потому на место «дозированной вражды», ее релятивизации, которая допускала уважение противника, приходит ее абсолютизация. Политического врага классического периода, которого К. Шмитт также называл «действительным врагом», признавали как конкретно-локального и временного субъекта. Он выступал как враг только в военных действиях и в определенный период – войны. Его брали в плен, могли пощадить. В современных идеологиях враг объявляется «общечеловеческим врагом», «врагом человечества», «врагом трудового народа», который подлежит уничтожению. Он есть беспристрастный, глобально-универсальный, абсолютный всемирный враг. «Война абсолютной

вражды не ведает никакого оберегания. Последовательное осуществление абсолютной вражды придает войне ее смысл и справедливость», заключает К. Шмитт⁵².

Идеологические войны, таким образом, это абсолютные войны. Они, во-первых, не имеют окончания и, во-вторых, охватывают все население в целом. Они ведутся не профессиональными военными и армиями, а вовлекают все народонаселение. Если ранее войну сменял период мира, то сегодня это войны non-stop. Теория абсолютной войны и абсолютной вражды определяет эпоху революционных войн и методы современной холодной войны.

Это та картина мира, в которой мы живем последние десятилетия. Мы являемся свидетелями бесконечного ряда «цветных революций», которые буквально сменяют одна другую, и цепочка эта воистину уходит в дурную бесконечность. Каждая из них неизменно переходит в «гражданскую войну», реализуя тем самым сценарий «всемирности» данного состояния. Что касается «холодной войны», то она вовсе не есть состояние полумирное, полувоенное, или, как еще совсем недавно выражались некоторые авторы, состояние «ни войны, ни мира». Это – типичная война **non-stop, постоянная**, непрекращающаяся война. Ее особенность состоит в том, что тактики насилия в ней завуалированы, скрыты. Это тайные тактики «мягкой силы», косвенного насилия, которые занимают 9/10 ее пространства. И только 1/10 – это открытая конфронтация, очевидное вторжение. Или, как замечает К. Шмитт, это «отношение (выраженное в цифрах 9:1) холодной войны и открытой войны военных»⁵³. Что касается современной «информационной войны», то ее регулярность, всеохватность и непрерывность совершенно очевидны.

Прототипом абсолютных войн, как считает К.Шмитт, были, с одной стороны, революционные марксистские войны, которые объявляли себя «войнами до победного конца», «до полного уничтожения противника». А с другой стороны, ими были колониальные войны. И те, и другие претендовали на всеохватность, на планетарный масштаб. Каждый тип связан с одной из двух стихий – Суши и Моря, которые разделены как различные «стихийные пространства человеческой работы и военного столкновения

⁵² Шмитт К. Теория партизана. С. 82.

⁵³ Там же. С. 95.

между народами»⁵⁴. «Можно сказать, что сегодняшнее противоречие Востока и Запада представляет собой противоречие земли и моря. Восток – это суша, земля, Запад – это море», пишет К. Шмитт⁵⁵. Если целью первых было раздуть «пожар мировой революции», то вторые опирались на главное преимущество и фундаментальное основание цивилизаций Моря – технику. Ибо, как замечает К.Шмитт, «море же враждебно человеку до тех пор, пока он стопроцентно не овладеет им технически. ...Приморской человек строит корабль и тем самым уже стопроцентно определяется техникой»⁵⁶. В соответствии с предпочтениями земной и морской стихий вырабатывались две идеологии, которые поддерживали абсолютную агрессивность. Это, с одной стороны, «идеология мировой революции», которой на определенном этапе придерживалась Советская Россия, а с другой стороны – не менее, если не **более всеохватная и наступательная техницистская идеология**, промуотером которой до сих пор победоносно являются США.

Главное достижение современности состоит в том, что сегодня победила одна из них, непревзойденная по своей изощренности – техницистская идеология. Став гегемоном современного миропорядка, эта идеология по ценностной логике, о которой говорилось выше, естественно потребовала в ультимативном порядке упразднения любого конкурента на этом поприще – запрет на создание какой-либо иной идеологии, особенно в политическом поле своего главного конкурента – России.

Однако одними запретами креативность нового Гегемона современности не ограничивается. Важнейшей стратегической инновацией стало то, что «цивилизация Моря» взяла на вооружение центральную тактику Суши, следуя проверенному принципу бороться с врагом его средствами. И здесь на первый план выходит «фигура партизана» – подлинное открытие К. Шмитта.

Дело в том, что разрушение суверенитета государств – *res publica* – есть прежде всего разрушение публичности. Господство публичности выражается, в частности, в том, что армию как главный публичный институт представляют солдаты, которые явно и открыто носят форму, указывающую на их принадлежность, «ко-

⁵⁴ Шмитт К. Теория партизана. С. 36.

⁵⁵ Шмитт К. Беседа о партизане... // Шмитт К. Теория партизана. С. 175.

⁵⁶ Там же. С. 174–175.

торая является чем-то большим, чем профессиональная одежда, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с формой солдат открыто и демонстративно носит оружие»⁵⁷. На месте центральной публичной фигуры – государства – возникает непубличная фигура партизана. К. Шмитт настаивает на расширении лингвистического смысла этого понятия, которое в романо-германских языках имеет коннотацию «сторонника», «приверженца» какой-либо стороны и в этом отношении противостоит, составляет «параллель с таким обобщенным словом, как *status*, которое внезапно может означать “государство” (*Staat*)»⁵⁸.

Непубличная фигура партизана не только реализует противопоставление отдельному общему – индивида государству, но создает **пространство для тайной политики**. Все большее распространение получают скрытые, неявные, тактики манипулирования, или, как мы говорим сегодня, тактики, применяющие «мягкую силу». Они кроются в самой сущности партизана, блестяще прописанной К. Шмиттом. Главными его преимуществами перед регулярной армией классических войн являются среди прочего такие два качества, как «иррегулярность» и «повышенная мобильность ведения войны». Неожиданность, с которой осуществляется нападение, а также быстрота отхода составляют главные козыри его тактики. Именно «точечные удары», сильные своей внезапностью и малой затратностью характеризуют «горячие войны» современности. Техником незримой борьбы в «холодной войне» является шпион и саботажник, которые стали широко использоваться уже в годы Второй мировой войны.

Уход из пространства публичности имеет и другое измерение. Обман становится главным средством, методом и методологией идеологического типа войн. Возникает множество его разновидностей: пропаганда, дезинформация, зомбирование. Но главное это то, что происходит формирование нового типа политического пространства – **«пространства измены»** как обязательного атрибута таких войн. В этом отношении «пятая колонна» есть нормальный побочный продукт экспансионизма техницистской идеологии. Обман легитимизируется самой стихией «призового права» – основополагающего права «цивилизации Моря».

⁵⁷ Шмитт К. Теория партизана. С. 26.

⁵⁸ Там же. С. 29.

И наконец, самое важное обстоятельство, которое коренным образом меняет субъектность партизана, – это то, что в «идеологических войнах» он начинает использоваться в интересах «третьей силы».

Старый, Вестфальский порядок, как мы помним, не предполагал какой-либо силы, стоящей *над* государствами. Но именно этот параметр был нарушен в процессе глобализации и отказа от суверенитета. Это произошло не случайно.

Дело в том, что сама по себе фигура партизана в классических условиях своего существования имеет исключительно оборонительный характер. Она связана с защитой от внешнего врага той территории, на которой он проживает, и в этом кроется мощная энергетика его действий, составляющая суть его агрессивности и эффективности. К. Шмитт говорит о таком качестве, как «теллурический», «террический», связанный с землей, характер партизана⁵⁹. И вот, когда эта сильная сторона «партизана» начинает использоваться «третьей силой» в своих интересах, когда партизан отрывается от корней, от «почвы», космополитизируется, когда он подпадает под интернациональное и наднациональное управление, он нуждается в легитимации со стороны этой внешней силы. «Тогда партизан утрачивает свой существенно оборонительный характер. Он становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности. Он просто приносится в жертву и обманом лишается всего, за что он поднимался на борьбу и в чем был укоренен теллурический характер...», отмечает К. Шмитт⁶⁰. При этом усиливается не только субъектность партизана, но и самой «третьей силы».

Такова новая архитектура современного миропорядка. Сегодня от США, которые остаются единственной сверхдержавой и полной владычицей мира, зависит признание или непризнание мировым сообществом новых государств, правительств, «восставших народов», референдумов и их итогов. Демократия обращается деспотией. Свобода заменяется манипуляцией, плюрализм сверхцентрализацией и однополярным управлением.

Классические войны имели еще одну существенную особенность, которая сыграла немаловажную роль в позднейшей трансформации мировой политики. Речь идет о формировании «цивили-

⁵⁹ Шмитт К. Теория партизана. С. 37.

⁶⁰ Там же. С. 114.

зационного родства» между европейскими державами и странами англосаксонского мира. Оно стало возникать еще в период интенсивных колониальных завоеваний, которые проходили в русле разделения на христианские и нехристианские народы. Хотя социально-культурное вторжение формально декларировало противостояние варварству и «окультуривание» иных народов, процесс этот не заканчивался установлением равноправного партнерства между колонизаторами и колонизируемыми. Напротив, «цивилизаторская миссия» лишь консолидировала «цивилизационное родство» одних в противовес пространству «нецивилизированных» стран, усиливая противопоставление «цивилизации Запада» нехристианским народам. «Из подобных оправданий, – писал К. Шмитт, – возникло христианско-европейское международное право, т. е. противостоящее всему остальному миру сообщество христианских народов Европы. Они образовали “сообщество наций”, некий межгосударственный порядок. Народ, который считался нецивилизированным в указанном выше смысле, не мог быть членом этого международно-правового сообщества; он был не субъектом, но исключительно **объектом** этого международного права, иными словами, он принадлежал – на правах колонии или колониального протектората – к владениям одного из цивилизованных народов»⁶¹.

Именно так выстраивалась устойчивая концепция не подлежащего пересмотру «колониального порядка». В однополярном формате современного мира она усилила до невозможных пределов и без того чрезмерную гордыню «американской исключительности». В такой ситуации именно морализаторство стало главным маскирующим оружием новой Империи. Декларируемая исключительность, о которой не перестает твердить Америка, предполагает служение так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно, никакая цена не является чрезмерно высокой. И именно здесь кроется дьявольская ловушка, из которой невозможно выбраться. Если такая исключительность встречает на своем пути какие-либо препятствия, если другая сторона проявляет сопротивление (а именно так сегодня обстоит дело с Россией), то такой противник, очевидно, с неизбежностью дол-

⁶¹ Шмитт К. Земля и море. Созерцание всемирной истории. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-geopolitika/shmitt-zemlya-more-sozertsanie-vsemirnoy.html>. С. 13 (дата обращения: 27.05.2014).

жен быть морально уничтожен, и даже морально раздавлен. Но последнее может произойти только, когда другая сторона объявляется преступной и нечеловеческой, сборищем чудовищ, нелюдей.

Конечной целью современной идеологической войны, которая вовсе не является «мягкой войной», становится, таким образом, полный и окончательный разгром противника. Современная идеологическая война есть разновидность «идеального типа» абсолютной войны. Ее задачей является тотальная управляемость мира, которая по логике скрытой тактики «мягкой силы» называется продвижением демократии как высшей ценности. Демократия как высшая ценность и гуманизм становятся сегодня понятиями несоместными.

Слияние воедино морализаторства «цивилизационного превосходства» с немислимой агрессивностью техницистской идеологии породило новейшую имперскую силу современности. Революция в области информационных технологий дала платформу для колоссального манипулирования общественным мнением. В результате из морализаторской борьбы с вымышленным врагом – «Империей Зла» – поднялась из пучин всемирной истории могущественная **Империя Лжи**, которой подчинено все в этом мире – правительства, политические блоки, финансовые институты, международный арбитраж.

Новый абсолютный суверенитет

Ситуация сегодня такова, что фактическим суверенитетом обладает одна страна в мире – это США. Это состояние получило наименование американского гиперсуверенитета (*l'hypersouverainisme américain*)⁶². После того, как в период после «холодной войны» был разрушен двусторонний мировой консенсус, Америка встала на путь одностороннего применения силы во всех случаях, если считалось, что безопасности страны что-то угрожает. Мир с этого момента должен был быть реконструирован по американским ценностям.

⁶² *Badie B.* Souveraineté et évolution des relations internationales. Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation // Swiss Political Science Review. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 97.

Отрицанию подверглась не только концепция общего блага человечества, но даже национальное общее благо отныне должно определяться по лекалам и этическим эталонами, разрешение на которое необходимо испрашивать на новом имперском Олимпе современности⁶³. Красноречивой иллюстрацией тому служит ситуация с Ираком, «демократическое» бытие которого было решительно определено американской политической волей. В свое время администрация Буша заявила, что не допустит установления там исламской республики, и составление будущей конституции Ирака было доверено американскому «специалисту» – гражданину Н. Фридману.

Американский «абсолютный суверенитет» (*souveraineté absolue des États-Unis*)⁶⁴ базируется на огромном силовом и военном преимуществе этой державы. По данным на 2004 г. в разных странах мира было размещено 400 тыс. американских военнослужащих⁶⁵. Под предлогом защиты национальных интересов, Вашингтон не просто обороняется, а насаждает повсюду «порядок, мораль и свободу»⁶⁶. При этом он действует целиком в русле технико-милитаристской логики. Он разрушает инфраструктуру, свергает режимы.

Застрахованные и перестрахованные своим географическим положением, США могут легко вмешиваться в дела других стран и разжигать конфликты на чужой территории, ничем не рискуя, удаляясь после очередного вторжения к себе домой, за океан. Для стран, подвергшихся нападению, ситуация осложняется тем, что американцы никогда не имели детального опыта в области колониального управления, которым обладали классические европейские страны. И потому, запустив процесс, они не пытаются и не умеют его нормализовать. США не занимаются послевоенной организацией политического пространства. В результате вместо обещанного «порядка» возникает новый беспорядок. Как пишет Д. Давид, профессор Фран-

⁶³ *Badie B.* Souveraineté et évolution des relations internationales. Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation. P. 99.

⁶⁴ *David D.* Les souverainetés au temps de l'après-guerre froide. Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation // *Swiss Political Science Review*. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 105.

⁶⁵ *Ibid.* P. 107.

⁶⁶ *Ibid.* P. 105.

цузского Института международных отношений, они никоим образом не являются «державой нового порядка, как они сами полагают. ...И потому “абсолютный суверенитет США есть одновременно и миф, и большая опасность»⁶⁷. Жесткое утверждение американской мощи, абсолютного американского суверенитета ведет в тупик.

В результате информационной революции качественно меняется характер военно-промышленного комплекса, который трансформируется в «военно-цифровой комплекс» («*complexe militaro-numérique américain*»)⁶⁸. Это дает основание говорить о возникновении еще одного атрибута абсолютного суверенитета и о новом его качестве – «цифровом суверенитете». Как пишет автор одноименной книги, появившейся во Франции в 2014 г., «это означает, что нас ждет великий переворот, который положит конец нашей современной социальной и экономической модели»⁶⁹. Пьер Беланже, известный аналитик Интернета и масс-медиа, директор французской Интернет-сети Skyrock, обращает внимание на то, что «Франция и Европа в целом не владеют новым революционным процессом и не управляют им. Интернет и его службы полностью контролируются американцами»⁷⁰.

Рождается новая оруэлловская картина мира, которую европейские исследователи обозначают как особую пост-биполярную разновидность тоталитаризма – «мягкий цифровой тоталитаризм» (*soft-totalitarisme des réseaux numériques*)⁷¹. Проницательные аналитики говорят, что современная организация интернет-пространства приобрела конфигурацию «американского интернет-спрута» (*Internet – la pieuvre américaine*)⁷².

Стремительная интернет-революция осваивает «новое пространство», пятое после земли, моря, воздуха и стратосферы. Это – безграничное океаническое пространство, ведущее к гегемо-

⁶⁷ *David D.* Les souverainetés au temps de l'après-guerre froide. Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation. P. 108.

⁶⁸ *Bellanger P.* La souveraineté numérique. URL: <http://metapoinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html> (дата обращения: 12.06.2014).

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ *Faye G.* Internet, la pieuvre américaine? URL: <http://metapoinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html> (дата обращения: 17.06.2014).

⁷² Ibid.

нии американцев во всемирной паутине, подобно талассократическому англо-саксонскому господству. Оно есть его продолжение. И если другие страны, подобно восходящему гиганту – Китаю – как-то пытаются сопротивляться надвигающемуся американскому софт-тоталитаризму (*soft-totalitarisme américain*), то Европа ничего не делает в этом направлении. Более того, европейцы практически не осознают, что на их глазах происходит формирование новой милитаристской силы – «военно-цифрового американского комплекса» (**«complexe militaro-numérique américain»**). **Европейское массовое сознание** более озабочено проблемами изменения пола и гей-браков, чем этой грозной надвигающейся на весь мир опасностью. Стоит ли добавлять, что в том же полубессознательном состоянии находится и правящая элита России, которая во всем смотрит на реакцию Европы и считает такую реакцию эталонной. Очевидно, что в таком случае последствия для нашей страны могут оказаться куда более плачевными, чем для Европы – сателлита и друга США.

Анализируя растущий диктат Америки, П.Беланже вводит красноречивый неологизм, точно отражающий самую суть происходящих на наших глазах трансформаций. Это слово – «*résoficiels*», которое образовано из двух слов: *réseau* – **сеть** и *logiciel* – **программное обеспечение**. Этим термином он обозначает огромные цифровые сетевые конгломераты, которые управляют всеми современными процессами и экономическими потоками. Он указывает на тот факт, что все они на сегодня принадлежат США. Это – Google, Apple, Amazon, Facebook, Microsoft. О масштабности каждого из этих техно-гигантов можно судить хотя бы по такому моменту: считается, что Google по экономическим показателям заместил собой Детройт. Потери американской экономики от сложностей в автопроме с лихвой окупает одна эта компания. А вместе с Apple, Yahoo, Microsoft и пока еще небольшим с точки зрения доходов Facebook, они могли бы полностью заместить всю автоиндустрию в целом⁷³. «Большая четверка» (Amazon, Apple, Google, Microsoft) способна составить компанию, которая контролировала бы триллионы долларов. И это притом, что большая часть их прибылей

⁷³ *Иванов М.* Google, Microsoft, Apple, Amazon, Facebook – технологический коктейль будущего. URL: <http://ivanov.mann-ivanov-ferber.ru/2009/12/google-apple-amazon-facebook-texnologicheskij-koktejl-budushhego/> (дата обращения: 14.06.2014).

была заработана всего лишь за последние десять лет⁷⁴. Недаром эти конгломераты окрестили «технологическими империями» и о них ходят легенды, лейтмотивом которых является несомненный мессианский посыл – «страсть и вера в то, что они посланы изменить мир»⁷⁵. Их называют «великими силами поколения веба»⁷⁶.

Однако это те мастодонты, услугами которых мы ежедневно пользуемся и которые стали для нас настолько привычными, что мы даже не задумываемся об их национальном происхождении и о скрытых в них функциях. Это – удобные и на первый взгляд невинные орудия прогресса, благодаря которым мы оставляем в сети каждодневную и подробную информацию о себе через звонки, «клики», консультации, платежные карты. Но проблема в том, что как раз перечисленные сверхконгломераты способны использовать в будущем всю эту информацию для своих целей. Ведь это именно те формирования, которые смогут осуществлять и, как показала политическая реальность последних лет, осуществляют шпионаж, сбор персональных и коллективных данных, управление политико-экономическими и промышленными рычагами. Причем этот могучий арсенал американских гигантов функционирует рука об руку с сердцевиной военных ведомств – разведывательными суперагентствами и Пентагоном. Они, поистине, как гигантский спрут охватывают всю планету.

П. Беланже в своей книге прекрасно показывает, какую «золотую мину» представляет этот массив данных», накопленный веб-гигантами⁷⁷. Принцип работы новых техно-империй таков, что он в любой момент может опрокинуть всю европейскую экономику, административную систему, страхование, банковскую систему и здравоохранение. Благодаря информации, которая собрана этими конгломератами, прежний рынок, формируемый пресловутой

⁷⁴ Осик Л. Технобитвы: Amazon, Apple, Google, Microsoft. URL: <http://lifestyle.ru/msn.com/tech/технобитвы-amazon-apple-google-microsoft> (дата обращения: 14.06.2014).

⁷⁵ Что объединяет создателей Apple, Google и Amazon. URL: <http://invogroup.blogspot.ru/2011/12/apple-google-amazon.html> (дата обращения: 14.06.2014).

⁷⁶ Третья мировая война между Google, Apple, Facebook и Amazon. URL: http://ko.com.ua/tretya_mirovaya_vojna_mezhdu_google_apple_facebook_i_amazon_68907 (дата обращения: 14.06.2014).

⁷⁷ *Le Léviathan numérique*. URL: http://www.marianne.net/Le-Leviathan-numerique_a237847.html (дата обращения: 04.07.2014).

«невидимой рукой» в результате «слепых» случайных разрозненных действий отдельных субъектов, исчезает. Он превращается во вполне «сознательный», «управляемый» рынок, посредником в котором выступают эти самые сверхконгломераты. Они, таким образом, получают над рынком полное господство и могут использовать его исключительно для своей пользы. Следует учесть также, что к настоящему времени около 60 % всех занятых в Европе так или иначе связаны контрактами с информатикой. Это означает, что на наших глазах складывается новый господин мира, обладающий невероятной властью, – новый «цифровой Левиафан» (*le Léviathan numérique*)⁷⁸.

Причем формируется он вовсе не на «либеральных» принципах минимального государственного участия. Напротив, как свидетельствует П. Беланже, он образуется на основе тесного, патристического по сути, сотрудничества между государством, военно-промышленным комплексом и частным меркантилизмом. Вообще, миф о том, что США – это «либеральное» государство, в котором господствует антиэтатизм, замечает французский аналитик Г. Фай, это «чудовищная ложь». В США, действительно, нет социального государства европейского типа, но зато там есть «Государство-драйвер», «Государство-лоцман» кольбертистского протекционистского типа (*l'État-pilote du colbertisme*)⁷⁹.

Совершенно очевидно, что информационные услуги будут составлять ключевой фактор грядущей мировой конкуренции. Вызов, который сегодня сформировался, настолько серьезен, что он требует поиска решения, которого никогда еще не существовало в истории. Сложность дилеммы состоит в том, что классическая теория суверенитета базировалась на контроле над определенном ограниченном физическом пространстве. Но в виртуальном пространстве открытость пространства является его сущностным принципом.

П. Беланже предлагает свой эскиз решения проблемы, который опирается на необходимость введения «регуляции в открытой среде»⁸⁰. Его главный тезис состоит в том, что надо вернуть утра-

⁷⁸ *Le Léviathan numérique.*

⁷⁹ *Faye G.* Internet, la pieuvre américaine? URL: <http://metapoinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html> (дата обращения: 20.05.2014).

⁸⁰ *Le Léviathan numérique.* URL: http://www.marianne.net/Le-Leviathan-numerique_a237847.html (дата обращения: 20.05.2014).

ченную независимость и суверенитет в виртуальной среде. Главная цель – это создание собственных «résogiciel». Отказ от обретения самостоятельности в цифровой сфере сегодня, подчеркивает он, равносильно отказу от контроля над книгопечатанием во времена его распространения или же отказу от создания собственного флота в эпоху морской торговли, или же, наконец, отказу от строительства железных дорог после изобретения паровоза.

* * *

Очевидно, что смелый вызов, брошенный Россией единственной и могущественной сверхдержаве мира, которую отделяет всего лишь несколько мгновений от мирового господства, не мог не вызвать той ярости, какую мы сегодня наблюдаем со стороны мирового гегемона. Даже без такого отчаянного шага нашей стране была предуготована участь третьеразрядной колонии «первого мира», которую для большей эффективности предполагалось разделить на несколько регионов, о чем уже предусмотрительно составлены картографические эскизы в мировом Центре управления.

Начиная с 90-х гг. прошлого века был запущен дезинтеграционный сценарий развития страны, который привел сначала к отделению республик Советского Союза, а в XXI в. был нацелен на территориальный раздел Российского государства. Для этого на российском пространстве были испробованы все известные технологии распада – от культурной денационализации до стремления разжечь прямой военный гражданский конфликт. В работу над этим проектом были включены самые новые тактики: оболыщение обывателя «европейскими ценностями», зомбирование молодежи, кибердиссидентство, интернет-дипломатия, обучающие лагеря, гей-пропаганда и создание нетрадиционных пространств общения, расширение «пространства измены», дискриминация в области экономики и диффамация политических лидеров, перекройка истории, прямой и косвенный подкуп руководящей элиты, финансирование, обучение за рубежом и создание колониальной администрации нового типа и многое другое.

Сегодня, однако, страна остановилась у самого края пропасти. Мы поняли главное, что России необходимо вернуть утраченный суверенитет, чтобы сохранить себя, свою целостность и

национальную идентичность. Несмотря на трудное положение, в котором мы оказались, это возможно, потому что мы не проиграли ни одной войны, и дух победителя живет в национальном бессознательном. А потому мобилизация неизбежна. Перед нами стоят огромные задачи по восстановлению мощной экономики, военно-промышленного комплекса, национальной культуры, созданию «цифрового суверенитета», без которых невозможно обеспечить национальную безопасность в современном мире. Тот патриотический подъем, которым живет сегодня наш народ и государство, безусловно, создадут прочный фундамент, который поможет успешно выполнить эти задачи и преодолеть грядущие препятствия.

ГЛАВА 3

ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ РОЛЬ РУССКОГО НАРОДА

При всяком политическом режиме в России единство, солидарность и консолидация ее народов всегда были главным условием силы и дееспособности государства, успешного развития общества. Сегодня в связи с событиями на Украине и обострением общей международной ситуации необычайно актуальное звучание приобрела проблема консолидирующей, интегративной роли русского народа, которая долгое время игнорировалась, поскольку консолидирующая функция в обществе возлагалась главным образом на идеологические конструкты (советский период). В постсоветский период проблеме консолидации общества не придавалось большого значения, т. к. считалось, что победа либерализма и само существование либеральных государств, таких как США, Европейский Союз и др., ведут к миру, а у России, соответственно, нет врагов. Теперь же обнаружилось, что мир является весьма непрочным и иллюзорным, более того, он балансирует на грани войны – традиционной, классической в виде прямой агрессии. В отношении России традиционные физические формы воздействия пока остаются на втором плане, но продолжают маячить в виде «большой дубинки». На первом же плане – новые формы войны, ведущиеся изнутри государства. Решающее значение для них имеет атомизация общества, недопущение интеграции государства, организация постоянного противостояния и «войны всех против всех» через манипуляцию сознанием и разрушение системы ценностей.

Основные факторы, препятствующие интеграции общества

1. Постепенная подмена национального космополитическим

Космополитизм означает идеологию так называемого мирового гражданства (*kosmopolites* – человек мира), которая ставит интересы всего человечества в целом выше интересов отдельной нации или государства. Он основан на отказе от признания приоритетности национальных традиций и культуры перед традициями и культурой других стран и народов, относит разные проявления патриотизма к примитивным формам человеческого сознания и т. д.⁸¹ На русском языке это слово звучит как «чужебесие». Данный обличительный термин ввел в оборот хорватский философ, этнополитолог и публицист Юрий Крижанич, находившийся на русской службе в XVII в. «Чужебесие» – бешеное пристрастие ко всему чужеземному и, как следствие этого порочного свойства, возникновение «чужевладства» – иноземного хозяйничанья воцарившегося ныне в России и других странах.

В России подмена национального космополитическим продолжается под влиянием Запада более 200 лет. В октябре 1917 г. она была одной из причин, которая привела к краху Российской монархии, не получившей в решающий момент поддержки со стороны русского народа. В 1991 г. – соответственно к краху СССР.

Комополитизация проявлялась не только в каких-то внутренних политических процессах, но даже и в названии страны. Как отмечает известный лингвист, академик РАН О.Н.Трубачев, само слово «Россия» представляло искусственное образование, следы которого ведут на Запад. Древнейший вариант нашего самоназвания Русь. Позже в Европе переняли наше главное самоназвание – Русская земля, предпочтя, по-видимому, перевод, каковым и явилось немецкое *Russland*. Сама же наша страна стала называть себя *Россией*, в этом проявился заимствованный, в основном западный, характер названия. Об этом говорило удвоение *-ss-* как позднелатинский способ нейтрализации озвончения интервокального – s-⁸².

⁸¹ Философия // Энцикл. слов. / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

⁸² Трубачев О.Н. Русский – российский: история, динамика, идеология двух атрибутов нации // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1995. С. 31.

Соответственно «россиян» раньше эпохи Петра не было, но потом они уже встречаются и у Ломоносова, и у Карамзина. Искусственный атрибут «российский», зарекомендовал себя сначала претензиями на высокое, «царское» словоупотребление: «Новая повесть о преславном Российском царстве» (1610–1611), благолепие российское и т. д. Мода на все «российское» широким фронтом наступает в XVIII в., начиная от «Истории российской» В.Н. Татищева, «российской земли» в известной оде Ломоносова 1747 г., комедии «Слава российская» (еще при жизни Петра) вплоть до российских матросов и российских кавалеров, героев популярных повестей и т. д.

В этом вытеснении *русского* *российским*, как подчеркивает Трубачев, обозначилась тенденция смены общественной парадигмы. Это мироощущение, пришедшее вместе с XVIII веком, когда ряду отечественных деятелей стало как бы тесно в Русской земле. Попыты вытеснения русского российским того времени легли на почву, а точнее сказать – на арену обширной деятельности иллюминатов, просветителей⁸³.

При всей искусственности терминов *Россия*, *российский*, наши далекие предшественники в общем правильно восприняли их как символ нашей европейской интеграции. Но возникает вопрос: было ли это единственно возможным способом? Оказывается нет, о чем свидетельствует опыт других стран, дальних и ближних. Германия, например, сохранила свое старинное и очень национальное самоназвание *Deutsch-land*, буквально «Народная земля», латинское «*Germania*» немецкая культура применяет лишь в смысле «Германии» Тацита. Англия сама себя по-прежнему называет «английской землей» англов *Eng(1)-land*, т. е. по принципу «Русская земля», а не *Anglia* по-латински. Польша продолжает именовать себя по этому принципу – *Polska* «Польская (земля)». По такому же принципу называется соседняя Словакия *Slovensko*. Несмотря на мощное давление западных соседей, Чехия так и не приняла латинское название *Bohaemia*, не приняли также Сербия и Болгария.

В постсоветское время и «россиянин», и «российский» – и сейчас, может быть, как никогда – употребляются крайне неточно. Небрежностью это можно назвать далеко не всегда и уж, конечно,

⁸³ Трубачев О.Н. Русский – российский: история, динамика, идеология двух атрибутов нации. С. 33.

не в случаях, когда оба слова – россиянин и российский – наделены отчетливо идеологической, политической установкой – вытеснить, заменить слово русский⁸⁴.

С точки зрения системного подхода, и русский, и другие этносы должны взаимно дополнять и обогащать друг друга. В «новой» же России, считает Е.С. Троицкий, сторонники утверждения «российской нации», «российской идеи» вместо *русской* противопоставляют оба эти начала⁸⁵.

Между тем в обыденном сознании граждан России национальная (=этническая) принадлежность сохраняется как неотъемлемый и несменяемый признак, полученный при рождении. Официальная запись о национальности во многих советских документах (вплоть до библиотечного формуляра) отражала это мнение, усиливала и закрепляла его. Даже с исчезновением такой записи это убеждение остается широко распространенным. Большинство населения не затруднялось с определением того, что в переписном листе 2010 года называлось «Ваша национальная принадлежность» и однозначно отвечало на этот вопрос⁸⁶.

Сложности с пониманием концепта «российская нация» возникают из-за неоднозначности понятия «нация», что порождает многочисленные споры и разногласия. Следует отметить, что нация может пониматься в двух смыслах: нация как гражданское общество (политический и символическо/идеологический аспект) и нация как этническая общность. В России большие и малые народы привыкли считать себя нациями. В их сознании пока доминирует понимание нации как этнической общности. А широкое, гражданское понимание утверждается главным образом для внешнего мира. Тем не менее гражданская принадлежность становится все больше формой коллективной идентичности. К слову, западная наука признает только политическое объединение граждан на основе общего гражданства. Кроется ли в таком подходе для России опасность космополитизма? Полагаю, что само понятие нации

⁸⁴ Трубачев О.Н. Русский – российский: история, динамика, идеология двух атрибутов нации. С. 33–34.

⁸⁵ Троицкий Е.С. Теоретические и политические аспекты изучения соборной роли русского народа в многонациональной России // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1995. С. 14.

⁸⁶ Богоявленский Д. Пресловутый национальный вопрос. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php> (дата обращения: 26.01.2014).

(российской нации) не несет какой-либо опасности в этом смысле. Опасность кроется в политике западных стран, становящейся все более экспансионистской, и ее проводниках в самой России.

В современной России под влиянием западной глобализации осуществляется открытая и масштабная космополитизация всех сторон жизни народа. Именно Запад способствовал формированию космополитической олигархии, спекулятивно-финансовой, полукOLONИАЛЬНО-КОМПРАДОРСКОЙ ориентации реформирования России, что породило спад производства, гигантскую утечку капиталов, преступность и обнищание подавляющего большинства населения страны и т. д. Неизбежным следствием этого стало увеличение деэтнизированной части русской нации, включая и некоторых представителей космополитической элиты, чувствующей себя привычной и комфортней в «лондонах» и «парижах», нежели в чуждой им российской глубинке. Они не привязаны ни к каким традиционным ценностям, включая даже язык и культуру. Как отмечает академик Г.А. Заварзин, «массовая эмиграция 1990-х гг. из СССР в Соединенные Штаты, провозгласившая государственной политикой собирание наиболее талантливых людей со всего мира и их ассимиляцию, привела к тому, что забота о будущем детей в своей стране у значительной части российской элиты подменилась космополитичным индивидуализмом. Этим людям, конечно, безразлично, какое будущее ожидает новые поколения в России, поскольку их дети – граждане мира»⁸⁷. По доле космополитов среди населения Россия оказалась среди наиболее космополитизированных стран мира. Прямым результатом космополитизации и произошедшей ценностной инверсии являются ответы молодежи на вопрос об отношении к возможности выхода своего региона из состава Российской Федерации. Активно противостояло бы этому отделению только 21 % молодых россиян. Большая же часть молодежи поддерживали выход своего региона из состава России⁸⁸.

Таким образом, подрыв духовно-культурных истоков и наследия страны, космополитизация ее влиятельных представителей нанесли большой урон России в эпоху глобальных вызовов и угроз.

⁸⁷ Заварзин Г.А. Россия и русские: взгляд изнутри // Вестн. РАН. 2010. № 7. С. 649.

⁸⁸ См.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С. 206.

2. **Русофобия** является идеологией, которая транслируется через соответствующие западные технологии. Западная русофобия многие века жила в европейском сознании и практиковалась на всем протяжении истории, ею заражен весь Запад. Сегодня уже не имеет значения, каковы причины ее возникновения: явилась ли русофобия результатом межгосударственной, межрелигиозной или иной конкуренции, либо ментальных различий. Став составной частью западной ментальности, она представляет широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским – от страха до ненависти. Русофобия присутствует как важный элемент в основных идеологических течениях Запада и оказывает большое влияние на отношение к России и русским в массовом сознании. Русофобия является важным качеством той окружающей среды, в которой существуют Россия и русские, и это нельзя игнорировать. Стоило только России заговорить о защите русских людей на охваченной националистическим переворотом Украине, на Западе началась истерика и крики о необходимости остановить русского медведя.

Наиболее сильно и неприкрыто русофобия проявлялась во время войн, которые велись против России. В государствах, воевавших против России, продуцировались антирусские настроения с целью создания воинствующей шовинистической атмосферы, возбуждения «патриотических» чувств. С особой силой русофобия проявилась в Германии во время нападения фашистских войн на Советский Союз. Официальной гитлеровской пропагандой русские изображались как «недочеловеки», немецкому населению навязывалось мнение о якобы «дикости» русских.

Широкое распространение русофобия получила в странах Запада в *годы «холодной войны»*, когда термин «русский» отождествлялся с политикой Кремля. Враждебность к коммунистической политике автоматически переносилась на всех русских. Слияние антисоветизма, антисоциализма с русофобией в годы «холодной войны» стало одной из характерных особенностей западной пропаганды.

Мифологемы 70–80-х гг. XX в.: культурные прибалты, гордые кавказцы, трудолюбивые среднеазиаты и только одни русские – лентяи, воры и пьяницы, активно внедрялись через кино, телевидение, прессу, театры, литературу⁸⁹. В условиях «новой»

⁸⁹ *Нотин А.* Выступление. Круглый стол в Изборском клубе по проблемам международных отношений в России // Изборский клуб. 2014. № 1. С. 32.

России эта линия была продолжена, и русофобия по-прежнему дает о себе знать весьма чувствительно, проявляясь в разных сферах. На *информационном уровне*, начиная с 1989 г., проводилась гигантская спецоперация, разработанная в неких центрах «управления хаосом» или нейролингвистического программирования. Она была хорошо скоординирована, прекрасно профинансирована и опиралась на сеть агентов влияния внутри российских СМИ, которые осуществляли массированное издевательство над русскими.

В годы перестройки и в начале 1990-х гг. советские люди в полной мере испытали этническую ненависть к «совку», за которой скрывалась классическая русофобия. Несмотря на то, что это была внутренняя русофобия, она многими нитями связана с внешней западной русофобией и часто инициируется именно оттуда, хотя есть и причины внутреннего порядка, обусловленные политическими причинами и особенностями взаимодействия разных этносов, но они не являются решающими.

Проявлениями русофобии можно считать: 1) **очернение исторического прошлого**, отрицание позитивного вклада русских в мировую историю и культуру; 2) **отрицание нравственных ценностей русского народа**, прежде всего, патриотизма и подвижничества; 3) **объявление русских главными виновниками создания и поддержания административно-командной системы**; 4) трактовка современного кризиса межнациональных отношений как результата политики великодержавного русского шовинизма; 5) **двойной стандарт при подходе к национальным интересам русских и национальным интересам других народов страны**: национальные лозунги, исходящие из союзных республик, автономных образований и др., рассматривались как подъем национального самосознания, постановка же вопроса о необходимости возрождения русских объявлялась шовинизмом⁹⁰.

В *практическо-экономической плоскости* русофобия проявлялась в характере проводимых реформ, разработанных при поддержке и по сценарию западных правительств и международных финансовых институтов. При этом имело место отстранение русских от руководства проводимыми реформами. Навязанное Рос-

⁹⁰ Барсенков А.С. Русский вопрос в зеркале истории // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. С. 59–60.

сии в начале 1990-х гг. прошлого века либерал-реформирование не соответствовало требованиям времени и не отвечало коренным интересам большинства общества – русских как государствообразующей нации России, ее национального ядра. Сформировавшаяся проолигархическая элита, считающая себя высшей кастой, отчетливо проявляла свое презрение к России и всему русскому. Результат известен: за период рыночных «преобразований» Россия была отброшена на 30–40 лет назад. По признанию профессора Нью-Йоркского университета Стивена Козна, стремление и политика правительства Б. Клинтона, деятельность экономических советников из Гарвардского университета и Международного валютного фонда привели к обнищанию русского населения и «демодернизации страны двадцатого века»⁹¹.

Французские русисты в критических комментариях на книгу «Россия и русские в современном мире» обвиняют ее автора Н.А. Нарочницкую прежде всего в наивном сведении нынешней русофобии к спланированному мировому заговору. Однако, по мнению академика Г.А. Завазрина, «дело обстоит гораздо хуже, и причины сложившегося положения глубже: мы столкнулись со спонтанным отчуждением массового западного обывателя, отражающим его подсознательные геополитические установки. Речь идет об эгоистическом самодовольстве, характерном для колонизаторов»⁹².

3. Технология стравливания – намеренное обострение национального вопроса

Вся западная пропаганда, направленная против СССР, начиная с 70-х гг. XX в. перестроилась от апелляции к социальным проблемам на апелляцию к проблемам национальным. Причем все это было тщательно проработано и на уровне теории, и на уровне практики. Было запущено более двадцати национальных контр-проектов, включая и русский этнический национализм⁹³.

⁹¹ *Cohen S.* Failed Crusade: America and the Tragedy of the Post-Communist Russia. N.Y., 2000.

⁹² *Заварзин Г.А.* Россия и русские: взгляд изнутри. С. 649.

⁹³ *Кара-Мурза С.* Мы – вне западной системы координат... // Изборский клуб. С. 81.

После уничтожения СССР в 1991 г. проблема «национальных отношений» для современной России становится одной из важнейших, именно ее пытается использовать Запад, прежде всего – США, для дальнейшего расчленения нашей страны, уничтожения русской цивилизации и геополитической роли русских.

Разрушение, дестабилизация каждой системы имеет свой сценарий, который зависит в первую очередь от устройства самой системы. В строении России как системы есть своя особенность – это ее многонациональность. При нормальном развитии такая особенность может считаться достоинством: «много нас, разнообразны мы, состоим из множества национальностей, разбросаны по огромной империи; и если мы честно работаем и соблюдаем хороший порядок, страна цветет как бы сама по себе, несмотря на суровый климат и скудную землю»⁹⁴. При неблагоприятном – слабым местом, ибо в периоды общественных нестроений удар возмущающих воздействий в эти слабые места дает наибольшие последствия.

Под влиянием «местного национализма», усиленно взращиваемого с помощью Запада, российская многонародность превращалась в беду страны. В средствах массовой информации шло целенаправленное нагнетание темы межнационального противостояния русских со всеми остальными народами России, внедрялась идеология этнонационализма как для нерусских народов, так и для русского народа. Тем самым общенациональная солидарность старательно разрушалась. На национальной почве провоцировалась битва народов России между собой, чтобы таким образом в конечном счете заставить людей своими руками уничтожить собственную страну. Геополитическим противникам России оставалось только сидеть и наблюдать, как работает механизм самоуничтожения⁹⁵.

Западные политтехнологи понимают, что стержень, скрепляющий ткань российской государственности – русский народ, русская культура. Именно этот стержень провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России – под насквозь

⁹⁴ Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007. С. 45.

⁹⁵ Проект «Россия» (неустановленные авторы). URL: http://lib100.com/book/iwar/proekt_r_o_s_s_i_ua (дата обращения: 12.04.2014).

фальшивые разговоры о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 г. и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа»⁹⁶.

В результате вызревают две угрозы: 1) превращение этнического сознания нерусских народов из «русоцентричного» в этноцентричное; 2) нагнетание русского этнонационализма, ведущего к разделению и архаизации народов. Тем самым России грозит «молекулярная» этническая война всех против всех. Угроза того, что Российской Федерации столкнут в новый виток хаоса, достаточно велика. Единственный способ для власти преодолеть эту угрозу – честно и открыто обсудить с народом все накопившиеся болезненные проблемы в этой непростой сфере, исправить все то, что можно еще исправить, определить адекватные ориентиры в национальной политике страны.

Продолжением и развитием технологии стравливания является, с одной стороны, намеренное внедрение элементов *фашизма*, а с другой – обвинение всех русских в фашизме. Информационная истерия в 1990-х и начале 2000-х гг. достигала такой степени накала, что не проходило и дня без сообщения о зверствах «русских фашистов». С этой целью организовывались провокации, делались различные заявления, чтобы задеть национальные чувства русских, возбудить их возмущение и потом заявлять о чуть ли не врожденной ксенофобии русских. Подобные действия опираются на методы и приемы психологических и информационных войн, чем достигается несколько целей: навязывание русскому народу ложного чувства вины, его озлобление и подталкивание некоторых его представителей на преступления.

Мода на скинхедов, культ жестокости, насилия, «сильной личности», ориентация на личный успех за счет подавления «чужих» и прочая информационная инфекция пришли именно из США, Европы (Германии, прежде всего). Они являются побочным следствием чрезмерной открытости глобалистским тенденциям и пропаганды плохо переваренного «либерализма» в широком смысле слова, призванного расчистить площадку на месте обрушенного советского проекта, а также результатом отсутствия эффективной фильтрации и нейтрализации зарубежных заимствований.

⁹⁶ Савельев А.Н. Образ врага. URL: <http://www.savelev.ru/books/content/?b=16> (дата обращения: 15.03.2014).

Косвенным, но важным свидетельством импортного характера этих течений и ценностей являются социологические опросы, которые фиксируют интересные и парадоксальные особенности. Межнациональная напряженность наиболее высока как раз в наиболее деэтнизированных, вестернизированных урбанистических центрах. Градус ксенофобии относительно выше именно в наиболее вестернизированной (культурно и ценностно), оторванной от этнических корней социальной группе – молодежи. И эта корреляция – между степенью вестернизованности (пусть в своеобразной форме) и градусом агрессивной, якобы этнической и якобы русской ксенофобии – не случайна⁹⁷.

Внедряемые фашистские теории являются для России, империи семейного типа, ловушками патриотической энергии. Они собирают благородные энергии и направляет их против России. Возникает *эффект самоуничтожения*, осознать который широкая масса не в состоянии. Отрицательный эффект фашизма виден не сразу, а просчитать его могут далеко не все. Он спекулирует на примитивизме массы, на том, что нужен здесь и сейчас видимый враг, действие и сиюминутный результат. Лозунг «Россия для русских» – провокационный, представляет тип информационных бомб, предназначенных для уничтожения России. Он яркий, привлекательный и, кажется, по умолчанию истинный⁹⁸.

Сегодня риски для России намного возросли по сравнению с 1941 г., ибо соотношение сил между Россией и ее глобальными конкурентами изменилось не в ее пользу. Насколько экономически, политически, духовно и нравственно готова Россия к новому повороту? Есть ли в России сила, способная им противостоять? Если обратиться к истории, отличительной особенностью развития России являлась неизменность ее системного качества, которое определяется через системообразующий фактор, каковым фактически является русский народ. На протяжении всей истории системообразующий фактор играл ведущую роль в жизни страны, несмотря на то, что российская история – история не только русского народа, который и сам вобрал в себя множество племен. Россия – плод и

⁹⁷ Юсуповский А. Русская этничность – яд или лекарство? URL: <http://www.apn.ru/publications> (дата обращения: 18.05.2014).

⁹⁸ Проект «Россия». URL: http://lib100.com/book/iwar/proekt_r_o_s_s_i_y_a (дата обращения: 12.04.2014).

результат сотворчества многих народов, населяющих нашу страну, однако именно русским принадлежит ключевая роль в формировании этой истории и в создании Российского государства. Русский народ всегда была опорой, становым хребтом государства и его главной геополитической и консолидирующей силой, что особенно ярко проявлялось в тяжелые моменты вражеских нашествий.

Консолидирующая роль русского народа

Противостоять дезинтеграционным процессам можно лишь в условиях консолидации общества, которая осуществляется либо вокруг какой-то значимой общей идеи, как это было в свое время с коммунистической идеей, либо вокруг общности людей, несущей в своем мировоззрении, культуре и истории вдохновляющий потенциал, возможность мира, справедливости и благосостояния. Исторически сложилось так, что такой общностью является русский народ. Консолидирующая роль русских определялась социокультурной и духовной традицией, которая на протяжении веков обеспечивала целостность российского государства и достойное его существование в мире, несмотря на смену политических форм. Это тем более важно, что в современной сложной геополитической ситуации Россия может иметь только великое будущее или никакого. Почему никакого? Потому, считают эксперты, что заурядная, второстепенная или третьестепенная страна не сумеет удержать, сохранить столь гигантскую территорию с неисчислимыми природными богатствами. Все это будет отнято у нее более мощными и жизнеспособными соседями, поделено между ними⁹⁹. Следовательно, необходимо всемерно укреплять единство и целостность государства. Между тем в России наблюдается определенная напряженность в области межнациональных отношений. В либеральном журнале «Pro et Contra» отмечается, что «Россия испытывает трудности с поиском новых схем, которые помогли бы справиться с дилеммой между российской и русской идентичностью»¹⁰⁰.

⁹⁹ Социально-экономические предпосылки возрождения генофонда нации // Безопасность. 1998. № 3–4. С. 152.

¹⁰⁰ Ларюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований // Pro et Contra. 2014. № 1–2. С. 63.

Это означает признание либеральными кругами несостоятельности российской идентичности в том виде, в каком она была спроектирована современными «реформаторами», отрывающими и противопоставляющими друг другу части единого государственного организма. «Российская идентичность» по определению должна обладать статусом целого, а в этой дилемме, построенной по принципу выделения двух крайних противоположностей, она занимает место одной из частей целого. В сочетании же двух крайностей неизбежно заложено глубокое внутреннее противоречие.

У государства, бытие которого представлено в виде дилеммы, всегда есть два варианта существования: нераспавшееся государство и распавшееся государство. С точки зрения диалектического закона перехода количественных изменений в качественные можно предположить, что нераспавшееся государство, живущее в условиях дилеммы, способно перейти в новое состояние распавшегося государства, если будет превышена определенная мера подавления другой противоположности. Тогда обе противоположности будут уже представлять две крайне неуравновешенные сущности. При распаде государства как единого целого утрачивается его качественная определенность, оно перестает быть самим собой, т. е. неизбежно приобретает новые черты.

В социально-политическом плане дилемма означает положение, при котором выбор одного из двух противоположных решений *одинаково* затруднителен, что порождает ощущение тупика и вызывает беспокойство в обществе, рост национализма. На это обратил внимание и президент РФ В.В. Путин в своем выступлении (сентябрь, 2013 г.) на заседании клуба «Валдай»: «Вопросы: “кто мы?”, “кем мы хотим быть?” звучат в нашем обществе все громче и громче... Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения...»¹⁰¹.

Эта дилемма возникает только потому, что игнорируется очевидная вещь, о которой писал знаменитый русский ученый и педагог К.Д. Ушинский, считавший, что если мы не понимаем той простой истины, что каждому народу суждено играть в истории свою

¹⁰¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 18.05.2014).

особую роль, если мы забываем эту роль, то вынуждены будем удалиться с исторической сцены – уничтожиться или раствориться в других нациях, сохранивших свою самобытность¹⁰².

Недостаточный и односторонний подход к решению данной дилеммы привел к тому состоянию, которое было зафиксировано в документе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», ставшем основой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В Документе особо отмечались «*сложное социокультурное самочувствие русского народа*» и «*незначительная роль традиционных ценностей*» (курсив мой. – Р.С.)¹⁰³. За этой политкорректной формулировкой скрываются в действительности те потенциальные угрозы для целостности России, которые вытекают из игнорирования роли русского народа как консолидирующего, системообразующего, демографического и духовно-культурного стержня российского государства. При доведении русских до некоторой критической точки, как это было в 1990-е гг., может рассыпаться государство, после чего станет проблематичной и судьба других его народов.

В своем отрицании положения о русской нации как государствообразующей некоторые представители либеральных взглядов, участвующие в обсуждении этой проблемы, настоятельно призывали исходить из практики западных демократий. О чем же свидетельствует государственно-правовой опыт государств Европы? Так, например, в Конституции Франции подчеркивается: «французский народ одобрил», «французский народ торжественно провозглашает» и т. д. В Конституции Испании говорится: «испанский народ утвердил следующую Конституцию» и т. д. В Конституции Германии заявляется, что «ни один немец не может быть выдан иностранному государству». Эти страны также многонациональные, но они в целом процветают и межнациональные конфликты там слабее, чем в России. В чем же причина ряда успехов стран Запада? Конечно, в том, что там должное влияние в обществе, в

¹⁰² Ушинский К.Д. О необходимости сделать русские школы русскими. URL: http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/k_d_ushinskij_o_neobkhodimosti_sdel.../ (дата обращения: 25.05.2014).

¹⁰³ Верховенский А. Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма // Pro et Contra. 2014. № 1–2. С. 21.

управлении государством, в бизнесе имеют государствообразующие нации, являющиеся *консолидирующим ядром государственности*. Это зафиксировано в конституциях и других официальных документах¹⁰⁴.

В Конституции же Российской Федерации о русском народе даже не упоминается. Возникает вопрос, как восстанавливать величие нашей страны, способствовать укреплению ее единства и целостности?

Положение о статусе русского народа как государствообразующего в российской публицистике иногда интерпретируется как проявление национализма, что свидетельствует о явном злоупотреблении этим термином. Даже внешнюю политику России называют «националистической». Американский профессор Марлен Ларюэль в журнале «Pro et Contra» пишет об этом так: «Международные отношения вновь стали рассматриваться сквозь призму национализма, когда внешняя политика России обычно характеризовалась как “националистическая”. Данное прилагательное использовалось для описания самоуверенного, великодержавного тона Москвы и критического отношения Кремля к западной и особенно американской позиции в международных делах... Таким образом, термин “национализм” применялся как всеохватывающее универсальное понятие, позволяющее описывать российскую внешнюю политику в интуитивно улавливаемых, как предполагалось, категориях»¹⁰⁵.

«Высказывания, которые классифицируются как “националистические,” – продолжает М. Ларюэль, – исходят из самых разных мест и пространств. Национализм *полифоничен*, иными словами, у каждого свой собственный национализм»¹⁰⁶. Множество толкований национализма, как представляется, связано прежде всего с нерасчлененностью и неотрефлексированностью смыслов, вкладываемых в это понятие. А неопределенность и широта этого понятия служат основой субъективного произвола при анализе кон-

¹⁰⁴ См.: Конституция Франции 1958 г. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/79348/%D0%9A%D0%9E%D0%D%> (дата обращения: 20.03.2014); Конституция Испании. URL: <http://tenercity24.com/en/node/2307> (дата обращения: 20.03.2014); Основной Закон Федеративной Республики Германии. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjectcs/constzs/gervanny.htm> (дата обращения: 20.03.2014).

¹⁰⁵ Ларюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований. С. 57.

¹⁰⁶ Там же. С. 59.

кретного содержания того или иного проявления национализма. Это усугубляется, кроме того, свойственной национализму апелляцией к чувствам и эмоциям.

Что же касается русского национализма, то, как признает автор журнала «Pro et Contra» Б. Дубкин, «нынешний российский пассивный и диффузный “национализм большинства” в своей основе – державный (тотальный), а не этнический (групповой). Переход от первого ко второму, о чем пишет в данном номере Эмиль Паин (с. 34–53), скорее перспектива, причем, как мне кажется, мало реальная»¹⁰⁷. Тем не менее вопрос о месте русского национализма в современной российской политической жизни остается открытым и дискуссионным, поскольку в нем есть разные течения – от этнического до государственного, последний же проповедует верность и преданность стране, работу на благо народа и государства, культурное и духовное возрастание, пробуждение национального самосознания для практической защиты и безопасности российского государства. Он опирается на национальное чувство, которое родственно патриотизму. О том же писал и Н.С. Трубецкой в статье «Об истинном и ложном национализме».

В рамках данной работы невозможно даже в кратком виде представить весьма многочисленные определения и типологии национализма, существующие как в российской, так и мировой литературе. Несомненным остается лишь одно, что это весьма неоднозначное понятие, которым нужно очень осторожно оперировать при анализе современной сложной ситуации в области международных отношений России. Со всей определенностью можно утверждать лишь то, что порицать нужно не национализм вообще как таковой, а ксенофобию, шовинизм, расизм, фашизм, либо, наконец, агрессивный национализм. В «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (1966) осуждается не вообще национализм, а именно *агрессивный национализм*¹⁰⁸.

Е. Троицкий обращает внимание также на двойные стандарты в отношении к национализму со стороны Запада. Он подчеркивает, что в ходе нынешней информационной войны аме-

¹⁰⁷ Дубкин Б. «Чужие национализмы» и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян // Pro et Contra. 2014. № 1–2. С. 15.

¹⁰⁸ Концепция национальной политики РФ. URL: <http://elabuga.egpu.ru/legal/nazpolitikRF.aspx> (дата обращения: 16.02.2014).

риканские пропагандисты настойчиво доказывают, что русские должны забыть о своих национальных ценностях, отказаться от патриотизма и национализма, аргументируя это «потребностями глобализации». Однако в США эти качества всячески утверждают. Так, известный американский ученый Самуэль Хантингтон, прославившийся во многих странах, в том числе и в России, своей книгой о столкновении цивилизаций, в 2004 г. издал новую знаковую работу под примечательным заголовком «Кто мы? Вызов американской национальной идентичности». Ученый бьет тревогу в связи с растущей миграцией в США, большая часть представителей которой, по мнению профессора, враждебна к американским культурным, национальным, религиозным ценностям. Громогласно называя себя патриотом, Хантингтон призывает к всемерному развитию национализма, остро критикует космополитизм либеральной элиты. По его мнению, если будет продолжаться ориентация на «мультикультурные фантазии» космополитических либеральных элит, то США ожидает судьба Спарты, Древнего Рима и других человеческих сообществ¹⁰⁹.

Поиски теоретического и практического решения дилеммы между российской и русской идентичностью – большая и сложная задача, которой следовало бы посвятить не одну монографию. Здесь же можно поставить лишь один главный вопрос: что может послужить ориентиром в решении этой задачи, компасом в бескрайнем океане философских идей и исторических фактов бытия российского государства?

Если еще недавно некоторым представителям российского истеблишмента казалось, что либеральная идея может решить многие проблемы России, способствовать ее процветанию и безопасности, то сегодня эти надежды и иллюзии растаяли даже у многих представителей этого течения. Логика обстоятельств – современная тенденция ослабления мощи государства и его скреп, все более подрываемая индивидуалистической моралью, частным и групповым эгоизмом, глобализмом, заставляет перевести свой взор с западной неолиберальной идеи на иное идейное течение – русский консерватизм в широком смысле (а не в узкоспециализированном). Консерватизм настаивает на постепенном изменении общества с

¹⁰⁹ *Huntington S.P.* Who are we? The Challenge to America's National Identity. N.Y., 2004.

учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей, характеризуется приверженностью традициям, стабильности и порядку¹¹⁰.

И дело здесь совсем не в том, что именно на эту идею обратил внимание президент РФ В.В. Путин, а в том, что длительное изучение проблемы российского государства (данной теме посвящено 10 книг сектора философских проблем политики Института философии РАН) приводит к выводу об успешности традиционной российской государственности. Именно она и подвергается наибольшим атакам противниками России, что с точки зрения геополитики совсем неудивительно. Как пишет политолог А. Савельев, «для того, чтобы иметь причину для атаки на традиционную российскую государственность, России приписывают “первородный грех” – варварскую жестокость и предельную неэффективность Московского царства. История показывает совершенно обратное. Московское царство в сложившихся исторических условиях было как раз предельно эффективно. Это отмечает, например, профессор Кельнского университета Герхард Симон: “Ни литовцам, ни полякам, ни украинцам, ни татаро-монголам или позднее Османской империи не удалось построить стабильное государство на северо-восточных просторах Европы. По всей видимости, политическое устройство с сильным перевесом верхушки власти и, соответственно, со слабыми промежуточными звеньями власти более всего подходило к естественно-природным, социально-экономическим, а также духовным условиям России”»¹¹¹.

Об успешности традиционной российской государственности говорит и тот факт, что русская централизованная система власти превратилась в архетип российского государства, который не смогли сломать никакие потрясения и революции. Иными словами, государство строилось, как подметил еще русский правовед и философ Б.Н. Чичерин, согласно присущему вещам закону необходимости, который и является самым логическим законом чело-

¹¹⁰ Несмотря на то, что в данной работе есть ссылки на русских философов, которые числятся по либеральному ведомству, следует заметить, что они, во-первых, во многом отличаются от западных либералов, а во-вторых, высказывали ряд идей, которые вполне согласуются с консервативной традицией.

¹¹¹ Савельев А. Нация и государство. URL: <http://savelev.ru/books/content/?b=3> (дата обращения: 20.02.2014).

веческого разума. «Поэтому, изучая историю идей, мы на факте, в положительных явлениях жизни, изучаем самую полную и всестороннюю философию государства. Результат этого философского развития идей есть понятие о государстве как о живом организме народного единства. Это не внешняя форма, наложенная на общество, не механическое соединение лиц. Нет, государство – живое единство народа; граждане – живые члены единого целого, единого духовного и свободного организма, который связывает между собой не только существующих в данное время людей, но и давно прошедшие поколения с настоящими и будущими»¹¹².

Чичерин проводит также различие между народами государственным и народами негосударственным. «Государственный народ тот, который способен установить над собой высший порядок, разумно и единодушно подчиниться верховной власти. Государственные народы одни имеют высшее сознание и силу, одни призваны играть роль в истории. Государственные народы – венец человечества. Оттого мы, русские, не остались на степени болгар или хорват. Государственный смысл русского народа раскинул Россию на то необъятное пространство, которое составляет для нас отечество, и дал ему возможность играть историческую роль, которой может гордиться русский человек. Поэтому у нас тот только может сознательно кидать камень в государство, в коем исчезло пламя любви к отечеству. Я не говорю об огромном большинстве тех, которые толкуют, не зная о чем. С этих и взыскивать нечего»¹¹³.

Понимание государства как живого организма народного единства может служить ориентиром для поиска того понятийного аппарата, который в состоянии указать новые возможности в деле обсуждения вопросов общественно-политической консолидации, формирования общественной идеологии современного Российского государства. Но именно этого важнейшего чувства макросоциального единства уже второй десяток лишено российское общество. Кризис, противоречия и проблемы государства диктуют необходимость обращения к отечественным истокам, к идейному богатству отечественной философии и политической мысли. Из-

¹¹² Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 г. // Идеология и процессы социальной модернизации. М., 2013. С. 290.

¹¹³ Там же. С. 291.

учение понятийного аппарата русских мыслителей показывает, что он обладает очевидной оригинальностью и большим творческим потенциалом для решения проблем сохранения социального, экономического, межнационального, культурного, территориального единства России.

Обращение к отечественному наследию русской социально-философской мысли свидетельствует о том, что выдающиеся русские мыслители развивали идеи и понятия, укорененные в отечественной истории и культуре. В этой связи невозможно переоценить историческое, а тем более современное значение такой подлинной основы русско-российской цивилизации, как соборность, на протяжении столетий охватывающей религиозные, национальные, экономические, социально-классовые, политические, духовно-культурные и иные стороны жизни России. Соборность – ключевое понятие социальной этики и русской социальной философии. В ней отражалось панорамное видение всех сторон общественной жизни в их единстве, что было присуще исконно русской культуре.

Немецкий философ и историк В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока», характеризуя особенности русской цивилизации и русского характера, отмечает, что русский человек переживает мир, исходя не из «Я» и не из «Ты», а из «Мы». Если он смотрит на ближнего своего, он видит в нем не врага, а брата. Он верит в естественную доброту ближнего вплоть до доказательства противоположного. Чувство братства делает русскому жизнь много легче и выносимее, чем европейцу с его инстинктом борьбы, грабительства и конкуренции. Сколь братским является обычай называть друг друга не по титулам и званиям, а по имени и отчеству. Это признак подлинного и внутреннего демократизма. Вот почему, заключает В. Шубарт, русское чувство братства не следует смешивать со стадным чувством: русский не является человеком массы, он высоко ценит свободу человеческой личности. Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, в России – всечеловек. Сверхчеловек стремится ввысь из жажды власти, всечеловек идет вширь из чувства любви¹¹⁴. Именно в чувстве соборности заключена тайна всечеловечности русского национального характера, позволяющего вмещать и органично принимать в себя иные культуры.

¹¹⁴ См.: Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997. С. 125–126.

Соборность несет в себе смысл такого философского понимания целостности, которое представляет собой «единообразие в различиях». При этом одно из важных условий целостности заключается в том, что она, в принципе, является неделимой, т. к. любое ее расчленение приводит к качественно иному состоянию, существенно отличающемуся от исходной целостности. Все последующие принципы самоорганизации по отношению к целостности являются всего лишь следствиями, вытекающими из того, как организована структура единого целого, его функциональность, взаимодействие внутренних элементов, а также упорядоченность, иерархичность и системность структуры.

Соборность сегодня ассоциируется больше с религиозным православным учением и воспринимается как некий архаизм. Но как представляется, не правы те исследователи, которые стремятся ограничить сферу действия категории «соборность», изобразить ее исключительно принципом сугубо церковного устройства. Тем самым вольно или невольно сужается сфера ее применения, что в период обострения межнациональных отношений по меньшей мере не продуктивно, особенно тогда, когда у нас не без воздействия извне разворачивается все более ожесточенная «война всех против всех». Приходится только сожалеть, что изучению и воплощению в жизнь этой общей ценности и категории, ее перспективному взаимовлиянию с евразийством пока не уделено должного внимания.

Такое отношение к этой категории можно объяснить как минимум ее незнанием и непониманием. «Могут последовать, пишет Е. Троицкий, – традиционные “возражения”, что-де это “устарело”, “архаизм”, не соответствует нуждам “демократизации” общества и века НТР. Однако традиционная преданность нации, основанная на стародавних навыках общинности, соборности, подвижнической инициативе, предприимчивости, гораздо больше отвечает потребностям постиндустриального общества, чем культивируемые анархическим капитализмом эгоизм, “война всех против всех,” поскольку новейшие информационные технологии требуют тесного взаимодействия и взаимопомощи людей, пусть и из побуждений национальной солидарности»¹¹⁵.

¹¹⁵ Троицкий Е. Служение Отечеству: русская традиция и современность. С. 61.

Дело в том, что содержание, вкладываемое в категорию «соборность», чрезвычайно глубоко и многогранно. «Соборность» не переводима на иностранные языки, но ее смысл вовсе не чужд и мыслителям других стран. Это – фундаментальная закономерность бытия, которую католический французский философ П. Тейяр де Шарден назвал дифференцированным единством. Он пишет, что «в любой области – идет ли речь о клетках тела или о членах общества, или об элементах другого синтеза – осуществляется *дифференцированное единство*. Части совершенствуются и завершают себя во всяком организованном целом»¹¹⁶.

В связи с нарастанием остроты глобальных проблем современности, которые оказывают негативное влияние на развитие современной России, категория «соборность» представляет большой исследовательский интерес, поскольку содержит в себе потенциал решения кризисных ситуаций различного уровня. «Действительно, соборность зачастую предлагается и как основание для формирования идеологии современного российского государства, и как базис для гармоничного решения противоречий между развитием личности и общества, межнациональных противоречий, проблем противостояния общества и природы, эскалации гонки вооружений, кризиса нравственности, классовых конфликтов и т. п. (список “недугов”, от которых может помочь практическая реализация содержания соборных концепций можно продолжать еще долго). Однако наиболее важен следующий вывод: многими исследователями отстаивается фундаментальная значимость категории “соборность” как базисной для решения актуальнейших противоречий современности, как на мировоззренческом уровне, так и в рамках конкретных методологий и практик социальной деятельности»¹¹⁷. Встречающиеся же иногда пессимистические суждения относительно существования философской «панацеи от всех бед» обусловлены, как представляется, тем, что на современном этапе даже и не пытались вникнуть в теоретическую сущность этой категории, а тем более в ее практическую значимость.

¹¹⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2002. С. 255–257.

¹¹⁷ Соборность и ее интерпретации в русской философии XX в.. URL: <http://xreferat.ru/104/2248-1-sobornost-i-ee-interpretacii-v-russkoiy-filo...> (дата обращения: 02.06.2014).

Тем не менее следует отметить, что любая терминология, укорененная в отечественной традиции, даже самим русским исследователям, которые воспитаны на западной философии, социологии, политологии, может показаться непривычной или не вполне научной, т. к. в их сознании глубоко укоренились западные стереотипы мышления. Поэтому термины, которые имеют сугубо русское происхождение, порой не встречают должного понимания. В этом и состоит одно из проявлений неосознанного космополитизма, даже у тех, кто считает себя русскими патриотами. А нынешняя настойчивая и последовательная компрометация соборности необходима современному мондиализму для реализации конечной своей цели – разрушения России и создания мирового космополитического сообщества.

Именно поэтому не существует готового современного эквивалента соборности, описанного в терминах современных научных представлений. Конечно, мы живем в другое время, во многом непохожее на предыдущие этапы истории. Поэтому совершенно очевидно, что эту категорию нужно переосмыслить применительно к нынешней ситуации, учесть многие факторы, которых не было прежде, выразить в терминах современного научного языка, но это нисколько не отменяет то эвристическое значение, которое «соборность» заключает в себе. Тем более, что русская философия, как констатировал один из зарубежных исследователей русской культуры и философии Ф. Буббайер, «почти всегда занимает “последними вопросами” и поэтому носит в высшей степени междисциплинарный характер»¹¹⁸.

Эта междисциплинарность проявляется в том, что соборность коррелируется с рядом других философских подходов к изучению общества. Так, например, системный подход, развивающийся на базе философского знания, строится прежде всего вокруг разработки таких понятий, как целое-целостность-часть; система-моно-система-полисистема; система-интеграция-структура-закон и т. д.; занимается изучением системных качеств, системных оснований, системных структур. Соборность созвучна и холизму, подразделом которого являются органистические теории. Холизм базируется на признании первичности целого над частями, а источник разви-

¹¹⁸ Буббайер Ф. С.Л. Франк: жизнь и творчество русского философа. М., 2001. С. 11.

тия усматривает в некоторых целостных, как правило идеальных факторах. Прогресс научного знания настоятельно требует их взаимодействия и определенного методологического синтеза. В любом случае соборность могла бы «вдохнуть душу» в эти сухие, абстрактные конструкции, оживить и расширить наши представления о возможных путях развития государства как целостного и единого организма.

Именно практическая значимость соборности – теоретически глубоко обоснованная – подчеркивалась плеядой русских философов, которые, начиная с А.С. Хомякова, стали основоположниками разработки этой концепции. Соборность приобрела у Хомякова основное, смыслообразующее, конститутивное значение. По существу, у него была раскрыта сокровенная сущность соборности, ее акцент на доброжелательности и любви в отличие от западного рационализма, слишком поощряющего индивидуализм. Концепция соборности, ее демократизм генетически связаны с теориями «всеединства» Вл. Соловьева, «всечеловеческой русской культуры» Ф.М. Достоевского, отечественным космизмом. Весьма примечательно, что и крупнейший философ и общественный деятель Н.Ф. Федоров отвергал сплоченность, достигаемую посредством насилия.

В этой связи весьма актуальным представляется многоаспектное изучение категории «соборность» как сущностной характеристики социокультурного развития российского общества. Это может оказаться ближе к пониманию конкретных, основанных на единых принципах, «механизмов» решения многих острых проблем российского общества, дилеммы его существования, что особенно актуально с точки зрения национальной безопасности.

Возвращаясь к дилемме «российская – русская идентичность», следует заметить, что в рамках рационально-индивидуалистического, дихотомического мышления третьего не существует. С точки же зрения соборного мышления оказывается, что есть и третье. И это третье Федоров выразил в известном лаконичном афоризме: «Жить нужно не для себя (*эгоизм*) и не для других (*альтруизм*), а со всеми и для всех»¹¹⁹. Задолго до Тейяра де Шардена Федоров утверждал, что «подлинное единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство»¹²⁰.

¹¹⁹ Федоров Н.Ф. Соч. М., 1982. С. 166.

¹²⁰ Там же. С. 65.

Соборность как раз та философско-религиозная и вместе с тем социально-политическая ценность, которая может обеспечить консолидацию общества, а также гарантировать демократические права народов, гражданские права личности. Соборность в этом понимании не просто механическое единство, политический компромисс или баланс интересов, но единодушие, т. е. общественное согласие, имеющее глубокую духовную природу. Соборность – принцип претворения механистической множественности в органическое целое, когда каждая часть находит свое оптимальное соотношение и место в ряду объединяющего единства. Она восходит к лучшим традициям российской политики и культуры. Сложная история, нужды обороны страны вместе с общинным укладом формировали соборность как характерную национальную черту русских людей.

Таким образом, соборность в социально-политическом плане – это сплочение свободных людей, основанное на любви и привязанности к Отечеству, к его духовным ценностям. Сущность рассматриваемой категории заключается в выдвигании на первый план гармоничного единства общего, особенного и единичного при обеспечении самостоятельности единичного и особенного, их индивидуального своеобразия. Свобода человека и его исконное право на свое суждение и миропонимание значима лишь при сохранении всей ценности людского общения, взаимопомощи, укрепления государственно-централизованных связей. Соборность выступает как органическое сочетание свободы и единства, личного и общественного, духовного и эмпирического, психологического и социального, как в идеале единственно возможное условие гармонизации общественного устройства. Соборность обеспечивает общение и взаимодействие культур с разными религиозно-этническими характеристиками и базируется на внутреннем единстве всех народов.

Образ русской соборности нельзя воспринимать однолинейно. Это многообразное сотрудничество свободных людей, народов и национальных групп, предполагающее полную независимость печати, мнений, научных концепций, философских, экономических школ, споров и дискуссий. Соборность помогает сохранить единство со своим народом, государством, семьей, природой, гармоничное общение с другими этносами, сплочение патриотических сил, что может обеспечить долгожданную консолидацию государства, пребывающего в состоянии искусственной дилеммы.

Истинная социальная соборность, как отмечает А.Е. Молотков, всегда способна непротиворечиво совмещать в себе в качестве органических фрагментов общественного бытия любые органично-цельные (традиционные) духовно-идеологические субстанции иных социальных образований. Имеется в виду, в первую очередь, культурно-идеологическая самобытность различных национально-автономных меньшинств, вполне органично находивших свое достойное жизненное пространство в системе соборной русской цивилизации, как в царской России, так и в России советской. Ибо принцип соборности воистину безграничен в своей духовно-социальной доброжелательности и как принцип социальной гармонизации универсален для социальной системы любого уровня сложности¹²¹.

Социально-психологическим проявлением данного принципа является чувство умиротворенности и защищенности на всех уровнях социального бытия, в конечном счете – ощущение национальной безопасности.

Принцип соборности, сотрудничества отдельных сословий в обществе – это, как подчеркивал публицист М. Назаров, «не произвольное нормативное предписание, касающееся только личной жизни человека, а есть нормативное выражение вечной онтологической сущности всей человеческой, следовательно, и общественной жизни... Отсюда... уясняется фундаментальное значение семьи как ячейки общества, ...всех вообще малых союзов, основанных на соседстве, ...на общности труда и профессиональных интересов... и корпоративных объединений»¹²². Иными словами, соборность предполагает полифоническое звучание многих отдельных голосов в общем стройном народном хоре, процесс восстановления и собирания народа в единое целое.

В более же глубоком метафизическом смысле соборность является собой необходимое духовное условие органической самоорганизации жизни, без которого принципиально невозможно социальное целое.

Принципы исконной национальной соборности обуславливают необходимость синтеза духовности с различными конструктивными идеями, концепциями, выстраданными народом, прошедшими проверку временем, что означает необходимость

¹²¹ Молотков А.Е. Миссия России. СПб., 2008. С. 302.

¹²² Назаров М. Онтологические основы соборности // Русская нация. М., 1995. С. 90.

движения в русле консерватизма. Обращение к консервативной идее предполагает вытеснение лево-правого конфликта консервативным синтезом традиционализма-реформизма. Соборное начало, или дифференцированное единство, как универсальную закономерность эволюции нельзя путать с суррогатом соборности – безликим коллективизмом, который растворяет неповторимые индивидуальности.

Спасительный, консолидирующий потенциал соборности в наши дни следует претворять в жизнь максимально, однако ее практическое воплощение может столкнуться со множеством трудностей и препятствий. Об этом писал в своих работах известный русский философ С.Н. Булгаков, который понимал, что «обстоятельства места и времени, национальные особенности народов могут извращать соборные начала, но могут и способствовать их развитию. Напротив, многие интеллигентские теории и практика коллективизма, имеющие высший идеал не в любви, а в “солидарности”, представляют собою лжесоборность»¹²³.

Тем не менее, важно подчеркнуть: идеал соборности как раз и воплощает в себе сущность русского социального идеала, который подразумевает, что Россия предрасположена к социализму как «снизу», так и «сверху». *Снизу* как имеющая в практическом опыте народной жизни традицию общинного бытия, т. е. уже фактически обладая первичной формой социалистической организации общества. И *сверху* как имеющая в своей духовной традиции такое важнейшее духовно-интегрирующее социальное понятие, как соборность, подразумевающее, а точнее, исповедующее как духовную реальность. Сочетание этих двух факторов делает Россию поистине исключительным местом для реализации и воплощения социалистической идеи. Так как ни Запад, с его традиционным индивидуализмом (атомизмом) общественного бытия, ни Восток с его обезличенной корпоративностью не обладают полной духовной, мировоззренческой и практической предрасположенностью к раскрытию социалистического идеала. Поэтому социалистическая эпоха в Советской России не является исторической ошибкой национального самосознания, но, наоборот, полностью соответствует вектору национальной

¹²³ См.: Соборность. URL: http://academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9100/%D0%A1%9E// (дата обращения: 02.06.2014).

идеи¹²⁴. Неудачи и недостатки в осуществлении этой идеи не означают «конец истории», а наоборот, могут рассматриваться как фальстарт социалистической истории, что предполагает новый, переосмысленный этап ее реализации, более соответствующий отечественным традициям. Это в принципе возможно потому, что социализм переходит в XXI в. не в своем эмпирическом, а в своем идеальном качестве, тем самым становясь потенциально открытым к новому историческому синтезу. «Естественно, эта миссия по-прежнему принадлежит России, как сугубо внутренняя необходимость самоорганизации своего национального бытия, как реализация и раскрытие своей собственной имманентной национальной идеи»¹²⁵. Таким образом, даже краткий анализ идеи соборности показывает насколько велик и плодотворен ее потенциал для оздоровления социальных отношений в России в интересах всех граждан страны.

В заключение следует отметить, что понимание значимости русского народа как объединяющего и консолидирующего центра российского государства неоднократно приводило западных политтехнологов к попыткам решить русский вопрос. Например, свести русский народ до уровня нацменьшинства, сделать в очередной раз ставку на национальную проблематику, ударив по России (псевдо)русским национализмом. Поэтому тема русских в России имеет важное значение в силу особой – консолидирующей, интегративной, государствообразующей, а также геополитической роли самого многочисленного народа нашей страны.

Чтобы успешно противостоять дезинтеграционным процессам, русские должны снова поверить в себя, в то, что они могущественный центр мировой силы, способный побеждать в самых сложных исторических коллизиях. Вместе с тем сегодня наступает время объединения, консолидации и мобилизации сил всех народов России, их активных действий на благо российского государства. Поэтому очень актуальна задача поиска тех мировоззренческих оснований, условно называемой государственной идеологией, которые могли бы способствовать консолидации российского общества и государства, его единству и национальной безопасности и вместе с тем отражать идеологические выпады Запада против России.

¹²⁴ Молотков А.Е. Миссия России. С. 304.

¹²⁵ Там же.

ГЛАВА 4

УРОКИ ДЛЯ РОССИИ: О КИТАЙСКОМ ОПЫТЕ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

Процессы глобализации оказывают громадное влияние на существование национальных государств, отношения между ними, значительно возрастает их взаимозависимость в политике и экономике, на этом основании появляются идеи о ненужности государственного суверенитета. При этом в силу целого ряда причин очень часто возникает ситуация, когда в мирохозяйственные отношения вовлекается не вся страна, а ее отдельные регионы, что создает угрозу для единства данного конкретного государства. Если центральное правительство не учитывает в своей политике данного обстоятельства, это приводит к тому, что отдельные территории той или иной страны становятся объектом экономической экспансии сопредельных государств, что в течение длительного периода времени имело место на российском Дальнем Востоке.

В этом отношении поучителен опыт Китайской Народной Республики, которая в период осуществления «политики реформ и открытости», несмотря на существующие трудности, успешно решает проблему сохранения единого государства. Данная проблема имеет три аспекта – политический, экономический и культурный.

Политический аспект проблемы

По размерам своей территории Китай является одним из крупнейших государств мира. На протяжении своей истории он пережил значительное количество социально-экономических катаклизмов, были довольно длительные периоды, когда страна находилась в состоянии раздробленности, в середине XIX в., по образному выражению Мао Цзэдуна, Китай становится полуколониальным, полуфеодальным государством. В XX в. после ликвидации монархического режима Цинской династии и образования республики страна в значительной степени была лишь номинально единым государством, поскольку наряду с Центральным Правительством существовали милитаристские клики, фактически управлявшие провинциями.

Поэтому после победы народной революции Коммунистической партии Китая пришлось решать задачу *создания централизованного государства*: первоначально создавались крупные военно-административные блоки управления регионами, объединявшие несколько провинций, например, район Юго-Западного Китая или район Северо-Восточного Китая и т. д. В этой связи интересно отметить, что фактически по аналогичному пути пошел и В. Путин, когда, став президентом России, он создал семь федеральных округов, которые существуют до сих пор. Это было продиктовано чрезвычайными обстоятельствами и, прежде всего, дезорганизацией системы управления на региональном уровне при правлении Б. Ельцина.

В Китае крупные административные районы просуществовали около десяти лет, а затем были ликвидированы в связи с укреплением вертикали власти. Следует подчеркнуть, что *цементирующую роль* в создании и укреплении государственной власти играла и играет Коммунистическая партия Китая, насчитывающая в настоящее время свыше 80 миллионов членов. Компартия является базисным элементом китайского политического режима, ее организации существуют во всех административных единицах страны – провинциях, городах, уездах, волостях, городских и сельских поселениях, а также в государственных учреждениях, учебных заведениях, промышленных предприятиях, торговых компаниях и т. д. Благодаря подобной системе в стране осуществляется эффективное управление.

Очень часто политики и эксперты в западных странах, а также некоторые представители российской научной и политической элиты подвергают критике китайскую политическую систему за отсутствие в ней демократии, авторитарные методы управления и т. п. Действительно, в Китае до сих пор существует авторитарный политический строй. Однако, на наш взгляд, он адекватен нынешним социально-культурным условиям Китая, в случае быстрой политической демократизации страны по стандартам западной демократии ее ожидает хаос и дезинтеграция. Китай является самым большим по численности государством в мире – в нем проживает около 1 млрд 400 млн человек(!), различающихся по уровню доходов, грамотности, политической культуры и социализации. Следует отметить, что в настоящее время авторитарный политический строй в Китае является мягким, а не жестким, как раньше.

Конечно, наличие одной руководящей политической организации создает определенные проблемы для осуществления эффективного контроля над деятельностью государственных и партийных органов – имеет место неоправданное вмешательство последних в хозяйственную деятельность, возникновение коррупционных проявлений, карьеризм, семейственность и nepотизм. Однако многопартийная система, принятая в западных странах, способна разрушить стабильность в стране, дезорганизовать систему управления.

Вот почему, несмотря на существующие проблемы, связанные с однопартийной системой, Компартия Китая не собирается менять политическую систему и отказываться от своей руководящей роли в государстве, как это сделала КПСС в период перестройки, когда была отменена 6-я статья Конституции. Вместе с тем руководство КПК постоянно стремится к *обновлению практики осуществления принципов политической системы.*

Во-первых, все большую роль приобретает единый национальный фронт, в который кроме компартии входят не только руководимые ею общественные организации, но и восемь «демократических партий». Если раньше эти партии выполняли чисто декоративные функции, то теперь они начинают играть определенную роль в общественно-политической жизни: их представители занимают руководящие посты в органах власти, высших учебных заведениях, научных учреждениях. Два министра центрального правительства – не коммунисты.

Во-вторых, заседания законодательных органов власти (собраний народных представителей всех уровней) и организаций единого фронта (политических консультативных советов всех уровней) все больше превращаются в площадки для обсуждения конкретных социально-экономических проблем, существующих в регионах.

В-третьих, значительно усилена борьба с перерожденцами в рядах Компартии, замешанными в коррупционных скандалах. За последние несколько лет к уголовной ответственности привлечены десятки крупных партийных и государственных деятелей, включая трех членов Политбюро ЦК КПК. Последний случай – арест бывшего члена Постоянного Комитета Политбюро Чжоу Юнкана, отвечающего в партии за органы безопасности.

Наконец, в-четвертых, в самое последнее время принят комплекс мер, направленных на совершенствование правовой системы китайского государства. 20–23 октября 2014 г. состоялся 4-й Пленум ЦК КПК XVIII созыва, целиком посвященный данной проблеме. На нем было принято развернутое решение «об управлении государством на основе законов». В решении сделан упор на необходимости:

- руководствоваться чиновникам любого уровня во всех своих действиях нормами закона;
- строгого соблюдения прав граждан;
- придерживаться принципа равенства всех людей перед законом;
- соединять «управление государством на основе законов» с «управлением государством на основе морали»;
- совершенствовать правовую систему государства на основе Конституции государства;
- совершенствовать систему законодательства, которое должно быть научным и демократическим;
- осуществлять административное управление, в том числе деятельность правительственных органов в рамках законов;
- усилить контроль за деятельностью органов управления;
- повысить уровень публичности в деятельности органов управления;
- обеспечить справедливость в работе органов юстиции, участие в их работе народных масс;
- повысить правовое сознание граждан¹²⁶.

¹²⁶ Коммюнике IV Пленума ЦК КПК восемнадцатого созыва // Жэньминь жибао. 27.10.2014. С. 1–2. (на кит. яз.).

В заключительной части Решения Пленума указывается на необходимость соблюдения законов всеми членами партии – они должны организовывать, стимулировать и на практике осуществлять принцип «управлять государством на основе законов».

Решения Пленума, на наш взгляд, призваны поставить заслон на пути распространения коррупции, повысить уровень доверия простых граждан к Компартии и ее руководству, которое в последние годы было серьезно подорвано из-за коррупционных скандалов, в том числе, в высшем руководстве страны, а также случаев кумовства, протекционизма, семейственности, бытующих среди партийных и государственных кадров.

Руководство Компартии Китая всегда обращало серьезное внимание на кадровую политику в различных регионах страны, в том числе в национальных автономиях, которых в Китае пять. В настоящее время покончено с практикой «культурной революции», когда руководителями часто становились так называемые «кадровые работники – ракеты», не имевшие ни необходимого опыта, ни профессиональных знаний. Теперь, чтобы стать руководителем провинциального и тем более центрального уровня, необходимо иметь опыт низовой работы, поэтому среди министров и секретарей провинциальных партийных комитетов нет лиц моложе 40 лет, а среди членов Политбюро ЦК – моложе 50 лет.

В результате в Китае построена устойчивая властная вертикаль. Во-первых, принятие решений не зависит от одного человека – первого лица, как это было раньше, при Мао Цзэдуне. К примеру, нынешний руководитель Китая Си Цзиньпин начинал свою политическую деятельность рядовым работником государственного аппарата. Во-вторых, существует широкий резерв для занятия руководящих должностей, в том числе самых высших.

Следует обратить внимание на одно следующее обстоятельство. Руководителями партийных комитетов национальных автономий являются китайцы (ханьцы), а не представители коренных национальностей, причем не только в тех национальных регионах, где большинство населения – китайцы, но и там, где они составляют меньшинство, например, в Тибете, где их всего 5 %. При этом в Китае последовательно осуществляется политика привлечения, можно даже сказать, переселения в национальные автономии собственно китайцев. В этом состоит разительное отличие нацио-

нальной политики китайского и российского руководства, которое, в сущности, не обращает внимания на отток русского населения из национальных автономий (республики Северного Кавказа, Калмыкия и т. д.). Благодаря подобной кадровой политике китайское руководство обеспечивает политическую стабильность в стране, уменьшает возможность межнациональных противоречий и сепаратизма вообще. Можно без преувеличения сказать, что китайские власти контролируют ситуацию во всех регионах страны, не допуская возникновения каких-либо серьезных политических волнений и социальных конфликтов. Если последние и возникают, они объясняются самоуправством местных властей.

Единственное исключение – специальный административный район – Гонконг (в китайском названии – Сянган). Этот город с прилегающими территориями в конце XIX в. в результате зависимого положения Китая был передан Англии в аренду сроком на 99 лет. В течение всего этого периода Гонконг являлся английской колонией со всеми вытекающими отсюда последствиями – он управлялся генерал-губернатором, каких-либо местных демократических органов власти не существовало. Но с приближением времени передачи Гонконга Китаю, которое должно было состояться 1-го июля 1997 г., англичане решили провести в городе демократические реформы – были проведены выборы в специально созданный местный Парламент – законодательное собрание. Есть предположение, что это было сделано специально для того, чтобы создать в будущем проблемы для властей КНР. Согласно провозглашенной в середине 80-х годов прошлого столетия лидером КПК Дэн Сяопином политике «одно государство – две системы», было определено, что в течение пятидесяти лет после возвращения Гонконга Китаю его политическая и экономическая системы не будут меняться. В соответствии с провозглашенной политикой КПК согласилась сохранить в городах систему выборов, введенную англичанами. Однако после продолжительных переговоров порядок выборов главы специального административного района был определен такой же, какой существует в самом Китае. Здесь выборы руководителей органов власти всех уровней не прямые – руководители всех уровней за исключением волостных и ниже избираются на сессиях собраний народных представителей. Точно также стало происходить и в Гонконге на всех происходивших вы-

борах главы района. Руководителями Гонконга становились бизнесмены, связанные экономическими интересами с Центральным правительством.

Летом 2014 г. представители студентов Гонконга и поддерживающие их преподаватели выступили с требованием прямых выборов главы города. После отказа, последовавшего со стороны местных и центральных властей, в сентябре возникло движение «захватить Центр» (в центре города находится администрация города). Есть не лишние основания сведения о том, что за спиной участников подобной акции стоят внешние силы, прежде всего определенная часть правящих кругов США, недовольная усилением экономической и политической мощи КНР. Фактически это была провокация, ее организаторы, в отличие от участников акции, отлично понимали, что китайские власти ни в коем случае не пойдут на удовлетворение требования митингующих. Они хотели спровоцировать руководство Китая на применение военной силы против участников акции. Однако власти приняли правильное решение – не препятствовать акции и одновременно объяснить ее провокационный характер, вызвав тем самым недовольство среди горожан. В конечном счете так и произошло. Проходившая в центре города акция дезорганизовала движение транспорта, создала серьезные препятствия для деятельности учреждений власти и организаций торговли. Недовольство горожан явилось основной причиной того, что акция «Захватить Центр», продолжавшаяся два с лишним месяца, закончилась в конце ноября. Кровавопролития, на что надеялись зарубежные, прежде всего американские, подстрекатели беспорядков, удалось избежать, тем самым принцип «одно государство – две системы» выдержал испытание.

Экономический аспект проблемы

В самом начале осуществления политики реформ и открытости руководство КПК делало ставку на экономический подъем не всего Китая, а отдельных районов страны. Оно исходило из факта отсутствия у государства достаточных экономических и материальных ресурсов для повсеместной модернизации. В результате в течение первых двадцати с лишним лет реформ наи-

большее развитие получили восточные и южные регионы Китая. Этому способствовали их благоприятные стартовые условия – наличие сырьевых ресурсов для развития легкой и текстильной промышленности, хорошие природные климатические условия, возможность получения двух и трех урожаев сельскохозяйственной продукции в год, предприимчивость тамошнего населения, имеющего к тому же давние связи с китайской диаспорой за рубежом, наконец, соседство с Гонконгом, располагавшим большими финансовыми капиталами. Именно в южном и восточном Китае были созданы первые специальные экономические зоны, где опробовались пилотные проекты для привлечения иностранных инвестиций. В результате провинции Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, город Шанхай стали моторами экономического развития Китая в начале осуществления «политики реформ и открытости». Только один пример – на месте небольшой рыболовецкой деревушки в пров. Гуандун вырос многомиллионный город Шэньчжэнь, а в Шанхае фактически возник новый город – район Пудун с новым современным аэропортом, офисами крупнейших китайских и транснациональных корпораций.

В то же время в большинстве провинций Китая, хотя в них также происходил рост экономики, было заметно отставание от восточного и южного регионов Китая. Лозунг Дэн Сяопина – «через процветание отдельных регионов к процветанию всего Китая, через зажиточность части населения – к зажиточности всех» привел к значительной диспропорции в развитии различных территорий страны. Начался отток квалифицированных кадров в более развитые, приморские районы страны. Тем самым стал подрываться *единый* народно-хозяйственный комплекс государства.

В связи с этим на рубеже столетия руководство КПК принимает масштабную программу под названием «План развития большого Запада», который предусматривал выделение больших финансовых средств на модернизацию двенадцати провинций и автономных районов, входящих в понятие «Большой Запад». Для осуществления этого плана были задействованы партийные, государственные и комсомольские кадровые работники из других районов страны, выпускникам вузов предоставлялись особые льготы в случае их согласия поехать на работу в западный регион. Подобные меры позволяли обеспечить ускоренное раз-

вите «Большого Запада»: произошли кардинальные изменения в ее транспортной инфраструктуре – построены скоростные железнодорожные линии во все провинциальные центры Западной части Китая (для сравнения – в России таких линий только две – из Москвы в Санкт-Петербург и Нижний Новгород); в трудных географических условиях построена высокоскоростная железная дорога, связавшая столицу Тибета – город Лхаса с остальным Китаем, многие уездные города получили возможность авиасообщения, в главном городе региона – Сиане появилось метро, произошло улучшение социальной инфраструктуры, наконец, в регионе стали развиваться добывающая и обрабатывающая промышленность¹²⁷.

Другой регион, который в течение многих лет отставал в своем экономическом развитии, – это три северо-восточные провинции Китая: Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь. В этом регионе в 50-е гг. прошлого столетия с помощью Советского Союза была заложена тяжелая промышленность Китая (всего в те годы с помощью СССР в Китае было построено 156 промышленных предприятий). Однако в 80-е годы с началом модернизации расположенные в этом регионе заводы оказались убыточными, требовалась их коренная реконструкция, были необходимы и новые кадры, и новые технологические решения, и значительные финансовые средства. Решение проблем, связанных с модернизацией предприятий тяжелой промышленности Северо-Востока, заняло продолжительный период времени.

В результате мер, предпринятых центральными властями, все части, элементы единого народнохозяйственного комплекса Китая функционируют в настоящее время в нормальном режиме. И хотя в основе экономики страны теперь лежат рыночные отношения, государственный контроль за деятельностью промышленных предприятий по-прежнему существует.

¹²⁷ Подробнее о результатах осуществления «Программы Большого Запада» См.: Буров В.Г. Стратегия китайского государства в контексте российского опыта // Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества. М., 2013. С. 188–201.

Культурный аспект проблемы

Единство китайского общества невозможно представить без его духовной составляющей – культуры. За столетия своего существования китайская культура создала замечательные образцы классической литературы и философии. После прихода коммунистов к власти в 1949 г. в течение нескольких десятилетий проводилась борьба против традиционной китайской культуры, прежде всего, конфуцианства. Утверждалась руководящая роль марксистской идеологии, часто в ее маоистской интерпретации. Навязывание догматизированных марксистских положений, оторванных от реальной практики китайского общества, не способствовало приобщению китайцев к достижениям передовой марксистской мысли, прежде всего, идеям самого Маркса. Напротив, росло неприятие пропагандировавшегося вульгарного марксизма и связанных с ним культурных стандартов. В этой связи следует заметить, что после 1949 г. Мао Цзэдун порвал с попытками творческого подхода к марксистской теории, что было характерно для него в 30-е гг. В 1971 г. по инициативе Мао Цзэдуна была проведена кампания критики Линь Бяо – Конфуция, где главное острие критики было направлено против Конфуция, последний был объявлен реакционным, феодальным мыслителем.

После смерти Мао Цзэдуна Компартия Китая начинает масштабное переосмысление всей своей идеологии. Прежде всего, происходит отказ от маоистских версий марксизма и социализма, восстанавливается в правах творческое отношение к марксистской теории, большим тиражом издаются труды классиков – Маркса, Энгельса, Ленина. Однако постепенно интерес многих китайских интеллигентов переключается на изучение западного марксизма, в котором они видят творческое развитие марксизма XX в.

Одновременно в кругах научной интеллигенции происходит серьезный поворот к изучению отечественной философской мысли, прежде всего конфуцианства. Идеи китайских мыслителей становятся предметом исследования сотен китайских ученых, во всех университетах на философских факультетах создаются кафедры истории китайской философии, появляется новое направление в исследованиях – «госюэ» («государственное учение»). Нам представляется, что интерес к отечественной философии объясняется

тем, что марксизм даже в его творческой либо китаизированной форме не в состоянии удовлетворить китайских ученых. Они, по-видимому, считают, что с ростом экономической и политической мощи китайское общество нуждается в *национальной идеологии, которая может объединить всех жителей Китая*, независимо от их возраста, профессии, национальности, конфессиональной принадлежности, мировоззренческих предпочтений. По их мнению, марксизм не может служить такого рода цементирующим элементом, им может быть только китайское учение или учения, имеющие китайскую специфику.

А таким учением, безусловно, является конфуцианство. И сегодня это обстоятельство подчеркивают китайские руководители. 24 сентября на открытии международной Конференции, посвященной 2565-летию со дня рождения Конфуция, выступил нынешний руководитель Китая Си Цзиньпин. Кстати, это было первое посещение подобного форума и первое выступление на нем высшего китайского руководителя, а такие форумы, проводятся один раз в пять лет, начиная с 1989 г.

В своем выступлении Си Цзиньпин сделал ряд важных заявлений идеологического характера. Прежде всего, он отметил важную роль, которую сыграло конфуцианство в формировании китайской традиционной культуры, «оно отражает духовные устремления китайской нации, постоянно питает ее». Говоря о национальной традиционной культуре, Си Цзиньпин счел необходимым упомянуть о всей истории китайской философской мысли, начиная с ее золотого века, связанного с именами Конфуция, Мэн-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы. Первостепенная роль конфуцианства соседствовала с влиянием других течений мысли, они взаимообогащали друг друга.

Си Цзиньпин подчеркнул, что традиционная культура, включая конфуцианство, сыграла важную роль в формировании и развитии китайской цивилизации, она способствовала **сохранению политического единства, укреплению большой семьи всех народов, населяющих страну, сохранению независимости государства, отражению внешней агрессии**¹²⁸.

¹²⁸ Речь Си Цзиньпина на Международном научном симпозиуме, посвященном 2565 годовщине со дня рождения Конфуция // Гуанмин жибао. 25.10.2014. С. 2 (кит. яз.).

В современном мире, продолжал Си Цзиньпин, существует много серьезных проблем – увеличение разрыва между богатством и бедностью, непомерно растут неоправданные материальные требования, увеличивается вред от индивидуализма, в обществе непрерывно падает уровень честности, с каждым днем ухудшается положение с нравственными ценностями, отношения между человеком и природой становятся все более напряженными.

Для решения всех этих проблем, считает Си Цзиньпин, необходимо использовать «мудрость и силы, накопленные человечеством в ходе его истории». И далее он делает весьма примечательное заявление: «Некоторые эксперты в мире считают, что в китайской традиционной культуре, включая конфуцианство, содержатся важные указания, которые могут помочь в разрешении трудных вопросов, стоящих ныне перед человечеством»¹²⁹. И далее он перечисляет многие базовые положения и идеи китайской мысли, такие как – «единство человека и природы» («тянь жэнь хэй»), «Поднебесная принадлежит всем» («тянься вэй гун»), «идея общества великого единения» («дагун сысян»), «народ как основа» («и мин вэй бэн»), «идея постоянного обновления» («жисин ю жисин»), «действовать в соответствии со временем» («юйши цюэцин»), «реалистический подход» («шиши цюйши»), «единство знания и действия» («чжисин хэй»), с помощью морали создавать человека» («и дэ ли жэнь»), «идея человеколюбия» («жэнь чжэ ай жэнь»), «гармония» («хэсе»), «добиваться единства через различные точки зрения» («цюй тун цунь и») и т. д. Многие из упомянутых Си Цзиньпином идей широко использовались в общественно-политической практике Китая, были предметом оживленных дискуссий среди китайских политиков.

Перечислив многие идеи, выдвигавшиеся на всем протяжении истории китайской мысли, причем представителями различных философских школ, Си Цзиньпин делает далее следующий вывод: «Богатые философские идеи, содержащиеся в блестящей китайской традиционной культуре, присущие ей гуманистический дух, педагогические идеи, нравственные идеалы могут давать полез-

¹²⁹ Речь Си Цзиньпина на Международном научном симпозиуме, посвященном 2565 годовщине со дня рождения Конфуция // Гуанмин жибао. 25.10.2014. С. 2 (кит. яз.).

ные наставления людям для познания и преобразования мира, для управления государством и занятия политикой, для формирования моральных принципов»¹³⁰.

По мнению Си Цзиньпина, отношение к традиционной и современной культурам, цивилизациям различных государств и наций должно стать важной темой научных исследований китайских ученых, при этом следует придерживаться следующих принципов.

Во-первых, человеческая цивилизация насчитывает несколько тысяч лет, в процессе ее развития происходит взаимообогащение культур различных народов, необходимо исходить из многообразия цивилизаций, что и является закономерностью возникновения всех вещей и явлений. Цивилизация каждого государства и каждой нации обладает своими особенностями, своими достоинствами и положительными качествами. Необходимо поэтому не замыкаться в рамках собственной культуры, отбрасывать чужую культуру, необходимо, напротив, осуществлять взаимный обмен и учиться у других культур. Си Цзиньпин предлагает следующий методологический подход по отношению к другим цивилизациям: не следует относиться к ним нигилистически, подвергать их критике, унижать. Ни в коем случае нельзя придерживаться принципа – раз другая цивилизация отличается от твоей, «не радуется твоей глаз», следует всеми возможными способами преобразовывать ее, унифицировать со своей, и более того, заменить своей цивилизацией. История не раз подтверждала, подчеркнул Си Цзиньпин, что попытки насильственными методами решить проблему различий между цивилизациями не могут быть успешными, напротив они в состоянии «вызвать беду для мировой цивилизации»¹³¹.

Во-вторых, необходимо уважать цивилизацию каждого государства и каждой нации. Цивилизация, особенно ее культура и мышление, является душой государства и нации. В случае, если государство или нация не берегут свою культуру и мышление, не дорожат ими, отбрасывают их, – «свою душу» – то это государство и эта нация не смогут существовать. Но заботясь о своей культуре мышления, они должны признавать и уважать культуру и мышле-

¹³⁰ Речь Си Цзиньпина на Международном научном симпозиуме, посвященном 2565 годовщине со дня рождения Конфуция // Гуанмин жибао. 25.10.2014. С. 2 (кит. яз.).

¹³¹ Там же.

ние других государств и наций. Следует иметь в виду, что культура и мышление, присущие различным нациям, имеют длительную историю, свои особенности, они не различаются по уровню выше или ниже. Точно так же государство или нация не различаются по степени силы или слабости, большого или малого размера, поэтому следует признавать и уважать их культуру и мышление.

Поэтому, признавая цивилизационные достижения своей нации, ни в коем случае нельзя замыкаться в своем кругу, отгораживаться от других наций, следует настойчиво учиться, перенимать положительные стороны и экстракт культуры и мышления других наций, это является важным условием повышения уровня самоуважения, уверенности в своих силах, самоутверждения.

В-третьих, необходимо правильно изучать и воспринимать цивилизацию. Вследствие взаимобмена цивилизации становятся многокрасочными, а в результате восприятия элементов другой цивилизации они становятся богаче. Любая цивилизация независимо от того, на какой национальной общественной почве она возникла, является «подвижной и открытой», это является законом распространения и развития цивилизации. Находясь в течение продолжительного периода времени в условиях взаимодействия с другими цивилизациями, цивилизация китайской нации получила от них питательные вещества. Одновременно китайская культура внесла и свой вклад в мировую цивилизацию.

Си Цзиньпин счел необходимым отметить, что хотя конфуцианство – китайское учение, оно уже давно стало частью мировой цивилизации. По его словам, необходимо брать все лучшее, полезное как из древних, так и из современных цивилизаций. Это необходимо, подчеркнул он, для того, чтобы «в процессе созидания прекрасные культурные гены всех цивилизаций соответствовали современной культуре, чтобы они находились в согласии с современным обществом, чтобы они смогли перешагнуть временные рамки и пространственные границы государств, чтобы они обладали силой притягательности»¹³².

Одновременно Си Цзиньпин подчеркнул, что при взаимном изучении и усвоении элементов других цивилизаций необходимо, опираясь на практику собственной нации, собственного государ-

¹³² Речь Си Цзиньпина на Международном научном симпозиуме, посвященном 2565 годовщине со дня рождения Конфуция // Гуанмин жибао. 25.10.2014. С. 2 (кит. яз.).

ства, перенимать все положительное, идти по правильному пути и стремясь к заимствованию «не поступать как попало, не разобравшись, что к чему, а брать лучшее, отказываясь от худшего, отделять зерна от плевел».

В-четвертых, необходим научный подход к культурным традициям. *Только не забывая историю, можно проложить путь в будущее, только хорошо наследуя, можно преуспеть в инновациях.* И далее Си Цзиньпин делает важный вывод: «Прекрасная традиционная культура – это основа наследования и развития каждого государства и каждой нации и если утратить ее, то оборвутся “духовные кровеносные сосуды”. Мы должны уметь органически сочетать распространение блестящих культурных традиций и развитие современной культуры, соединять их, **в наследовании развивать, в развитии наследовать**»¹³³.

В заключительной части своего выступления Си Цзиньпин вновь сказал о том, что знание сегодняшнего Китая, сегодняшних китайцев невозможно без глубокого понимания кровеносных сосудов, артерий китайской культуры, подлинного обладания культурной почвой китайцев. Поэтому «изучение Конфуция, изучение конфуцианства – это важный путь к познанию национальных свойств китайцев, истории духовного мира современных китайцев», заявил он. В этой связи Си Цзиньпин счел необходимым подчеркнуть, что различные культурные стандарты воплотились в передававшиеся китайской нацией из поколения в поколения мировоззренческих принципах, нравственных идеалах, эстетических воззрениях. Главное их содержание уже стало **культурным геном китайской нации**. Эти основополагающие культурные гены стали специфическими неповторимыми символами, отличающими китайскую нацию от других наций¹³⁴.

Китайские коммунисты-марксисты придерживаются научного учения марксизма, отстаивают и развивают социализм с китайской спецификой, но, вместе с тем, китайские коммунисты не исторические нигилисты и не культурные нигилисты, сказал Си Цзиньпин, заканчивая свое выступление. Мы стремимся вооружить себя

¹³³ Речь Си Цзиньпина на Международном научном симпозиуме, посвященном 2565 годовщине со дня рождения Конфуция // Гуанмин жибао. 25.10.2014. С. 2 (кит. яз.).

¹³⁴ Там же.

блестящей интеллектуальной культурой, созданной человечеством и в то же время мы воспринимаем все питательные вещества из китайской культуры – от Конфуция до Сунь Ятсена.

Содержание его выступления свидетельствует о том, что в идеологической политике Китая происходит поворот. Это связано с серьезными изменениями в социальной структуре китайского общества за годы осуществления «политики реформ и открытости». Раньше китайское общество, в основном, состояло из двух классов – крестьянства, составлявшего большинство населения страны, рабочего класса и интеллигенции. Мы отвлекаемся сейчас от рассмотрения вопросов их внутренней дифференциации, поскольку это не является предметом нашего анализа. В результате экономических реформ и связанных с ними урбанизации крестьянство теперь уже составляет менее 50 % населения, значительно возросла численность рабочего класса, сформировался многочисленный слой предпринимателей, причем не только мелких и средних. В стране появились лица с многомиллионными состояниями, крупные предприниматели, в марксистской терминологии – капиталисты. Другими словами, сложился класс национальной буржуазии, хотя подобный термин в китайском политическом или научном лексиконе предпочитают не употреблять. Одновременно возникла влиятельная группа средних слоев, состоящих преимущественно из инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции. Многие ее представители имеют обширные связи со своими коллегами за рубежом. То есть современное китайское общество является сложным, состоящим из разнородных социальных классов, слоев и групп. Данное обстоятельство вынуждает руководство КПК искать новую идеологическую доктрину, которая могла бы объединить всех граждан Китая для выполнения цели, поставленной XVIII съездом КПК в ноябре 2012 г. – решения задач «двух столетий»: к 2021 г. – столетию со дня создания КПК – построить общество малого достатка («сяокан»), а к 2049 г. – столетию со дня образования КНР создать богатое, демократическое, цивилизационное модернизированное социалистическое государство¹³⁵. Очевидно, что с помощью марксизма, даже китаизированного, этого добиться невозможно, поскольку у рабочих и у капиталистов разные социальные предпочтения. И здесь роль объединяющей идеологии может сыграть традиционная китайская

¹³⁵ См. Устав Коммунистической партии Китая. Пекин. 2012. С. 8 (кит. яз.).

культура и ее центральный элемент – конфуцианство. Конфуцианство может привлечь на сторону Китая и его руководства и многочисленную китайскую диаспору в различных странах, большинство представителей которой питает симпатии к своей Родине. Традиционная китайская культура стимулирует объединение всех китайцев на основе воспитания патриотических чувств.

Очевидно, что теперь Компартия Китая в своей политике будет руководствоваться двумя идеологическими доктринами – китаизированным марксизмом и традиционной китайской культурой, в основе которой лежит конфуцианство.

* * *

Китайский опыт сохранения единого государства дает богатую пищу для размышлений, содержат серьезные уроки для российской политической элиты, государственных деятелей России.

Прежде всего, напрашивается вполне очевидный вывод о том, что принимаемые на уровне правительства решения должны носить не только тактический, но и стратегический характер, т. е. быть рассчитанными на длительную перспективу. За последние почти двадцать лет, прошедшие после дефолта 1998 г., в стране сделано очень мало в восстановлении и развитии современных, высокотехнологичных отраслей промышленности – станкостроения, авиастроения, оборудования для нефтяной и газовой отрасли и т. д. Только сравнительно недавно Россия стала создавать совместные предприятия с иностранными компаниями по производству современных марок автомашин. Между тем в Китае подобные предприятия стали появляться как «грибы после дождя» уже в начале осуществления «политики реформ и открытости». Можно без преувеличения сказать, что принимаемые государством программы социально-экономического развития фактически не выполняются, остаются на бумаге, что не может не отражаться на экономической и естественно политической ситуации в стране.

В этом отношении поучителен опыт Китая. Когда западные страны сразу после событий на площади Тяньаньмынь в мае-июне 1989 г. предприняли ряд санкций экономического и политического характера, это не могло оказать серьезного влияния на развитие

Китая. Китайская власть не только обладала достаточным запасом политической прочности, но и предприняло целый ряд экономических мероприятий, которые свели к минимуму влияние западных санкций. Только в январе текущего года появился одобренный правительством антикризисный план по преодолению кризисных явлений в экономике, вызванных санкциями США, стран Западной Европы и Японии. В течение длительного периода времени в Китае проводится политика жесткого финансового контроля; несмотря на давление правящих кругов США, которые считают несправедливым обменный курс юаня по отношению к доллару, китайское руководство не собирается его менять.

Далее, заслуживает внимания и использования кадровая политика китайского руководства: отчетливо просматривается курс на сочетание опытных профессионалов и молодых, но получивших хорошую теоретическую подготовку кадровых работников. В Китае подбор работников на различные должности осуществляется преимущественно на основе профессиональных данных кандидатов, а не по принципу личной преданности.

И здесь мы подходим к очень важному вопросу – вопросу о борьбе с коррупцией. После прихода к власти на XVIII съезде КПК нового руководства партии во главе с Си Цзиньпином, в Китае началась масштабная кампания выявления и наказания коррупционеров, эта кампания проводится на всех уровнях – от местных органов власти до центрального партийного и государственного аппарата. Как пишут не только китайские, но и зарубежные средства массовой информации, в том числе американские, в сферу внимания правоохранительных органов попадают не только кадровые работники низового и среднего уровня, но и «крупные тигры» – лица из высшего руководства страны. В ходе кампании борьбы с коррупцией выявлены многочисленные случаи подбора кадровых работников по принципу семейственности и землячества. В этой связи следует заметить, что если о борьбе с коррупцией и о ее масштабах регулярно появляются публикации в западной печати, то подобных корреспонденций о борьбе с коррупцией в России в них нет. И это неудивительно, поскольку борьба с коррупцией в России не приобрела такого размаха, как в Китае. «Крупные тигры» в России либо успевают вовремя уехать за границу, либо их вообще не трогают.

В заключение необходимо отметить следующее: в процессе своего развития каждая страна, каждая нация накапливает определенный опыт как положительный, так и отрицательный. То же самое можно сказать и об историческом пути, проделанном Китайской Народной Республикой, в нем были и серьезные ошибки, были и трагические моменты. Однако громадные достижения китайского народа нельзя сбрасывать со счетов, в нем есть много того, что заслуживает внимания. Тем не менее, влиятельная часть нашей политической элиты по-прежнему ищет рецепты преодоления кризисных явлений в экономике у западных экспертов, ***не обращая никакого внимания на экономические методы, используемые в Китае.*** И это несмотря на то, что Китайская Народная Республика является стратегическим партнером Российской Федерации, что немаловажно в современной международной обстановке.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Проблема целостности современной России как философско-методологическая проблема	11
Обзор литературы последних лет	12
К современной дискуссии о российском государстве.....	18
Матрица (инвариант) российской государственности	20
Проблема цивилизационной характеристики российского государства.....	26
О российской нации и российской цивилизации	29
Влияние внешнего фактора на дезинтеграционные процессы в России.....	35
Новый этап глобализации и российское государство	41
Глава 2. Новые аспекты глобализации как фактор дезинтеграции российского общества	45
Истоки идеологии глобализма.....	47
Портрет лидера Нового мирового порядка, или Глобализация как колонизация другими средствами	50
Моральный дискурс – новая стратегия глобализации	52
Американизация как культурное оружие «мягкой идеологии».....	54
«Всемирная гражданская война» как новый тип геополитики XXI в.	58
Новый абсолютный суверенитет.....	66
Глава 3. Дезинтеграционные процессы в России и консолидирующая роль русского народа	74
Основные факторы, препятствующие интеграции общества.....	75
Консолидирующая роль русского народа.....	85
Глава 4. Уроки для России: о китайском опыте сохранения единого государства	102
Политический аспект проблемы	103
Экономический аспект проблемы	108
Культурный аспект проблемы.....	111

Научное издание

**Шевченко Владимир Николаевич
Спиридонова Валерия Игоревна
Соколова Римма Ивановна
Буров Владилен Георгиевич**

**Интеграционные и дезинтеграционные процессы
в истории российского государства:
социально-философские аспекты**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 24.03.15.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 6,22. Тираж 500 экз. Заказ № 08.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М. : ИФ РАН, 2014. – 252 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0270-6.**

Проблема понимания – одна из основных в современной философии. Она одинаково важна и для континентальной философской традиции, которая опирается на герменевтику и гуманитарные науки, и для аналитической традиции с ее опорой на точное естествознание и натурализм. Проблема понимания является интегральной, примиряющей обе традиции и позволяющей им понять друг друга.

Авторы размышляют о философских аспектах понимания, исходя из разных перспектив. Представители аналитической традиции связывают понимание с анализом языка и прояснением языковых конструкций. Сторонники социоэпистемологического подхода размышляют о понимании в культурном и практическом контексте.

2. **Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.). – М. : ИФ РАН, 2014. – 227 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0260-7.**

Анализируется проблема взаимоотношения фундаментальной науки и технологии. Акцент делается на эпистемологических аспектах проблемы: роли фундаментальных теорий в получении технологических инноваций; механизмах включения теоретического знания в процесс получения новых технологических достижений; различиях между фундаментальным и прикладным знанием; статусе понятия технонауки; соотношении истины и пользы.

Особое внимание уделяется социальным и этическим аспектам взаимоотношения науки и технологии, а также вопросам, традиционно относящимся к сфере философии техники.

Книга адресована тем, кто интересуется вопросами философии науки и техники на современном этапе их развития.

3. **История философии. № 19 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.В. Черняев. – М. : ИФ РАН, 2014. – 285 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

Данный выпуск журнала содержит статьи и публикации по истории русской мысли. Публикуемые исследования посвящены, в частности, концептуальным вопросам истории русской философии в широком проблемно-хронологическом диапазоне; рецепции русскими мыслителями идейных традиций древности (египетской и греко-римской); социокультурным и инфраструктурным аспектам истории русской философии; а также творчеству таких русских мыслителей, как Максим Грек, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Б.Н. Чичерин и др. Предлагается новый взгляд на историю и перспективы полемики западников и славянофилов. Освещена панорама истолкований русскими философами начала XX в. феномена войны. Наряду с исследовательскими статьями, пу-

бликуются новые источники (фрагменты древнерусского перевода трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах» и фрагменты воспоминаний Г.Н.Трубецкого).

Издание адресовано специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей русской философии.

4. **Кара-Мурза, А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 3 [Текст] / А.А. Кара-Мурза ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 215 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0278-2.**

Книга известного философа и политолога, доктора философских наук А.А. Кара-Мурзы (третья в авторской серии «интеллектуальных портретов») представляет собой сборник оригинальных биографий крупнейших деятелей русской культуры и политики – Александра Пушкина, Николая Станкевича, Тимофея Грановского, Андрея Краевского, Ивана Аксакова, Ивана Тургенева, Михаила Стасюлевича, Антона Чехова, Николая Бердяева, Петра Струве, Федора Степуна. Автор продолжает выстраивать родословную либерально-консервативной, культуроцентричной традиции русской общественной мысли.

5. **Кудаев, А.Е. Трагедия творчества в эстетике Николая Бердяева [Текст] / А.Е. Кудаев ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 255 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 228–254. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0268-3.**

В монографии анализируется одна из ключевых проблем наследия Бердяева – концепция трагедии творчества. В работе впервые раскрывается роль и концептуальное значение феномена трагического в философско-эстетической мысли Бердяева. Показывается неизбежность выхода философа на проблему трагедии творчества, его причины и определяющая структурно-смысловая роль данной проблемы во всем его наследии. Рассматривается определяющее влияние бердяевской концепции трагедии творчества на осмысление философом таких основных эстетических категорий, как красота, совершенство, а также на его понимание искусства.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей вузов, а также широкой аудитории, интересующейся историей русской культуры.

6. **Лысенко В.Г. Шантаракшита и Камалашила об инструментах достоверного познания [Текст] / В.Г. Лысенко, Н.А. Канаева ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2014. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 280–294. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0276-8.**

Монография включает переводы с санскрита и анализ двух логико-эпистемологических глав («Исследование восприятия» и «Исследование вывода») известного буддийского «Собрания категорий» («Таттва-санграха») Шантаракшиты с комментарием «Панджика» Камалашилы (оба – VIII в.). Поскольку буддисты обосновывают свою теорию через опровержение конкурирующих теорий всех главных систем, их текст содержит ценную информацию по истории не только буддийской, но и всей индийской эпистемологии и логики.

Книга адресована как историкам философии, так и специалистам в области теории познания и когнитивных наук.

7. **Малевич, Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы [Текст] / Т.В. Малевич; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 175 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 154–174. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0261-4.**

Исследования мистического опыта занимают одно из основных мест в современном западном религиоведении, провоцируя острую дискуссию о сущности мистических переживаний, возможности их концептуализации и правомочности оперирования категорией «мистический опыт» в научном дискурсе. В монографии проводится обзор концепций мистического опыта, выявляется их эвристический потенциал и демонстрируется динамика развития в XX–XXI вв.: от раннего эссенциализма (У.Стэйс и др.) и конструктивизма (С.Кац, Дж.Хик и др.) до психологического переннелизма (Р.Форман и др.) и альтернативных когнитивных подходов (Р.Стадстил, Э.Тэйвз).

8. **Методология науки и дискурс-анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов. – М. : ИФ РАН, 2014. – 285 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0256-0.**

Исследуются концепции и формы дискурса в истории мысли. Прослеживается основная линия в дискурс-анализе – дивергенция в трактовке дискурса. Альтернативной тенденцией является поиск единых эпистемологических оснований дискурс-анализа – текст, идеология, коммуникация, синергия. Показана неадекватность сужения поля исследований, его ограничения гуманитарным знанием и приложением методов лингвистического анализа текстов. С привлечением отечественной и зарубежной литературы сопоставляются методы герменевтики и дискурс-анализа, рассматриваются жанровые особенности философии, место логики в философии, важность предметного содержания для исследований дискурса, ценностные ориентиры ряда речей в судах. Для историков философии и науки, филологов и всех интересующихся методами анализа рассуждений.

9. **Научно-техническое развитие и прикладная этика [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.Г. Горохов, В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2014. – 303 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0277-5.**

Сборник посвящен междисциплинарным проблемам научно-технического развития, в ряду которых важное место занимают проблемы прикладной этики. Философия техники – установившееся название одного из направлений современной философии. Все виды современной техники имеют как положительные, так и отрицательные для общества последствия и несут в себе технологические, экологические и социальные риски. Техногенные катастрофы, связаны они с природными катастрофами или отказами техники из-за их неправильного использования или же неверного конструирования, всегда становятся социальными катастрофами, а значит должны «регулироваться» обществом. Технологические риски осознаются сегодня как социальные и поэтому их открытое, в том числе и философское обсуждение представляется нам весьма актуальным. Дискуссия за круглым столом, опубликованная в этом сборнике, посвящена обсуждению технических рисков как социальной проблемы.

10. **Ориентиры... Вып. 9 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2014. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISSN 2222-4351.**

9-й выпуск «Ориентиров...» посвящен исследованию разных аспектов идеологии. В нем рассматриваются процессы, происходящие или происходившие в нашей стране, например судьбы легитимности в постсоветский период, общие вопросы соотношения идеологии с властью и культурой, публичным и частным пространством; затрагиваются и исторические аспекты, такие как становление имперской идеологии в России, а также исследуется вопрос о значении традиции для современности, и в этой связи публикуются главы из книг Рене Генона «Общее введение в изучение индуизма», где обсуждается соотношение между метафизикой, религией, философией, моралью.

11. **Петрова, Е.В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект [Текст] / Е.В. Петрова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 137 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0257-7.**

Монография посвящена анализу социокультурного аспекта бытия человека в информационной среде. Этот аспект рассмотрен через призму проблемы адаптивования информации человеком. Проанализированы исторические корни современной информационной среды и их связь с доминирующим в тот или иной период способом хранения и передачи информации (устный, письменный, печатный, электронный). Информационная культура представлена как необходимое условие успешного бытия человека в информационном обществе, как часть процесса формирования глобального культурного поля человечества. Рассмотрены также изменения в образовательной сфере, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий.

12. **Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. – Часть 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М. : ИФРАН, 2014. – 221 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0280-5.**

Книга представляет собой продолжение проводимого коллективом авторов исследования проблем эпистемологии и философии сознания в контексте интеграции знаний, подходов и методов разных дисциплин. Анализируются вопросы, связанные с эволюцией человека и биологическими предпосылками кризисных явлений в современном обществе, соотношением биологического и социального при формировании и функционировании человеческого Я, развитием прогнозирования и новыми подходами к предвидению и проектированию. Достоинства и трудности междисциплинарного подхода выявляются при рассмотрении современного положения в научных исследованиях, в частности проблем воспроизводимости и ценности научного знания, уместности метода реконструкции в отдельных областях гуманитарной науки, оппозиции «сциентизм–антисциентизм», а также анализе нормативного знания и проблемы счастья. Помимо этого демонстрируется актуальность ряда ранее выдвигавшихся философских концепций и идей в контексте современных междисциплинарных изысканий.

13. **Понимание в кросс-культурной коммуникации [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М. : ИФ РАН, 2014. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0273-7.**

Проблема понимания – одна из основных в современной философии. Она одинаково важна и для континентальной философской традиции, которая опирается на герменевтику и гуманитарные науки, и для аналитической традиции с ее опорой на точное естествознание и натурализм. Проблема понимания является интегральной, примиряющей обе традиции и позволяющей им понять друг друга.

Авторы размышляют о философских аспектах понимания, исходя из разных перспектив. Представители аналитической традиции связывают понимание с анализом языка и прояснением языковых конструкций. Странники социопистемологического подхода.

14. **Проблемы философии культуры. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФ РАН, 2014. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0275-1.**

В сборнике ставится задача прояснить понимание истории как философской проблемы; рассмотреть формулу сопряжения жизни и смерти в русской литературе; проанализировать сущность заповеди любви к ближнему, образующей этическую основу правосознания; показать взаимосвязь памяти, истории и идентичности; представить гендерный подход в философии культуры и философской антропологии; исследовать феномен сакрального в аспекте повседневности.

15. **Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.) и др. – М. : ИФ РАН, 2014. – 108 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0262-1.**

Пространство рассматривается как трансцендентальная предпосылка описания реальности в естественнонаучном и гуманитарном познании. Анализируются современные дискуссии о фундаментальности (или нефундаментальности) понятия пространства для теоретического постижения фундаментальных структур. Особое внимание уделяется осмыслению альтернативных моделей пространства в естественных и гуманитарных науках. Анализируется роль идеи пространства в формировании современных теоретико-физических гипотез и в понимании феноменов культуры. Монография адресована всем тем, кто интересуется философскими проблемами современной науки.

16. **Социально-исторические и идейные основы современного российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М. : ИФ РАН, 2014. – 221 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0263-8.**

В коллективной монографии рассматривается философский смысл происходящих перемен в идейно-духовной ситуации в российском обществе. Предпринята попытка дать современное понимание идеологии как сложно-

го, многопланового идейного феномена, организующего социальную жизнь. Анализируются полемика отношения природы российского государства, роль философии в достижении общенационального согласия, консолидации и единства российского общества.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся идейно-духовным состоянием современного российского общества, возможностями создания национально-государственной идеологии.

- 17. Спектр антропологических учений. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. П.С. Гуревич. – М. : ИФ РАН, 2014. – 212 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0266-9.**

В шестом выпуске «Спектра антропологических учений» продолжается изучение классики философской антропологии (И.Кант, С.Кьеркегор, Г.Хёгстенберг), прослеживаются новые тенденции в философском постижении человека. Особое внимание уделено феноменальным модусам человеческого самобытия, проблеме единства и множественности форм человеческого существования. Поставлена проблема бытийной самостоятельности человека, рассмотрен феномен духовности.

- 18. Сухов, А.Д. Философия религии в марксизме и русском материализме XIX в. [Текст] / А.Д. Сухов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 98 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0259-1.**

В работе сопоставлены две философии религии – в марксизме и русском философском материализме XIX в. Показано, что у русских мыслителей те же предшественники, как и в марксизме, что они также использовали диалектический метод, переосмыслив его материалистически, что они материалистически воспринимали общество, его компоненты, религию – в том числе. Исследована проблематика этих философий религии: причины религиозности, место религии в жизни человека и общества, функции, ею выполняемые, ее структура и особенности – сравнительно с другими сферами духа. Выяснено, что эти концепции, отличаясь мерой постижения изучаемых явлений и категориальным аппаратом, несмотря на то, что они создавались независимо одна от другой, имели сходство; они аналогичным образом трактуют объект своего исследования. Определена значимость этих концепций в истории философии и истории общества.